

Алёна Комарова

Бег

16+

**по раскаленному
песку**

Алёна Комарова

Бег по раскаленному песку

«Автор»

2021

Комарова А. А.

Бег по раскаленному песку / А. А. Комарова — «Автор», 2021

ISBN 978-5-532-96128-9

Казалось бы, что может быть хуже потери близких? Хуже не бывает? Судьба подкидывает Анжелике новые испытания. Ограбление и покушение на жизнь. Как известно, желание убивать приводит к смерти. Кто же так настойчиво подбирается к девушке? Кто охотится на неё? Какая цель охотника? В этих вопросах поможет разобраться бывший военный Владимир, нашедший бесчувственное тело Лики. Совместное расследование и спасение одного человека приводит к спасению другого.

ISBN 978-5-532-96128-9

© Комарова А. А., 2021

© Автор, 2021

Алёна Комарова

Бег по раскаленному песку

– Я утоплю катер, вы вынудили меня,– прошептал капитан, смотря на воду за бортом.

Солнце отражалось в лазурной воде и пускало блики на катер, он покачивался у причала, ждал новых, благодарных пассажиров. А капитан нетерпеливо и нервно ждал свободы. Сегодня он будет свободен. Осталось ответственное путешествие. Последнее. Он тревожно взглянул на парня с голым торсом, тот вальяжно ходил по палубе. Он тоже знал, что это последняя прогулка по волнам. Он ненавидел парня и готов утопить, стукнуть по голове и скинуть в воду. И никто не найдет. Жил как собака, помрет как волк, морской волк. Пойдет на дно – польза будет рыбам и акулам.

А сам как жить будет? Вместо этого бандита придет другой, тем более они знают, где он живет. Да и ладно. Дом пустой, жена давно умерла, хвала богам, что она не дожила до сегодняшнего дня. За себя он уже не боялся, но они знают, где живет его дочка с семьей. Внучок еще маленький, ему еще жить и жить, а эти акулы лишат его жизни, только лишь, чтоб доказать строптивому деду, что он не прав.

Не нужна ему такая свобода. Свобода ценой жизни дочери и внука. Нет. Лучше уж самому помереть.

Остается только одно – затопить катер вместе с собой и этим морским бандитом. Вот что значит, стать свободным, быть капитаном и остаться человеком.

Есть такое место возле островов, между торчащими из воды скалами, в народе имеющими простейшие названия Палец и Кулак. Никто не заходит в грот, издалека смотрят. Красивое, но гиблое место и фарватер замысловатый. Вода темная, глубина большая, но местами острия скал достают до самой поверхности. И такие уж они острые, и коварные, даже небольшим и нетяжелым лодкам эти скалы вспарывали брюхо. Эхолот ломается и врет на каждой лье, помехи создает магнитное поле, никто не знает об его источнике. Молодые капитаны думают, что это аномалия сродни бермудского треугольника. Байки и страшилки передаются из уст в уста, чтоб не разжигать костер паники и усмешек. Но старики знают, что раньше не было ничего такого страшного, и появилось-то недавно. Вода создает иллюзию, страшнее коварного фокусника, тот хоть обманет, и ты лишишься денег, а эта обманет – лишишься жизни.

В последнее плавание с ним идут отдыхающие с отеля «Наиса-плаза». Должно быть четыре человека, главное, чтобы не было детей. Не сможет он потопить корабль, если на борту дети. Или сможет.

Пусть эти пираньи подавятся его свободой и гордостью. Капитан хмыкнул, улыбнулся.

По пирсу к ним приближалась пара отдыхающих, подошла к кораблю, парень пропустил девушку на борт первой и сам ступил на палубу. Девушка улыбнулась капитану, поприветствовала и заговорила по-русски.

Капитан намеренно ничего не понял, осмотрел девушку и грустно подумал:

«Жаль, что моя свобода будет стоять ваших жизней».

Во дворе было темно, фонарь горел на детской площадке, но детей уже не было, а молодежь с гитарами и усилительной колонкой еще не вышла. Обычно с колонкой выходил Владик из соседнего подъезда, включал музыку и к нему, как бабочки на свет слетались друзья. Порядок не нарушали, рок музыку слушали до одиннадцати, наркотики не курили, водку не распивали, поэтому местные жильцы на них не жаловались и не обижались.

Вера Ивановна почти на ощупь добралась до своего подъезда, в очередной раз решила написать в обслуживающую компанию, что возле входа выкрутили лампочку, обошла ямку возле ступенек, достала ключ от домофона и прошла в подъезд. Решила, что попросит Виталия найти плафон, из которого воришки не смогут выкрутить лампочку. Виталий не откажет, он у нее мальчик хороший, все сделает. Мальчику уже исполнилось тридцать три и ходит он в плавания по южным морям и странам.

Вера Ивановна не успела закрыть дверь в подъезд и почувствовала, как ее дернули снаружи и в подъезд вошли два человека. Оба мужчины были в теплых куртках и капюшонах на голове, хотя на улице было тепло.

Вера Ивановна всем телом почувствовала опасность и увидела агрессию.

Один схватил ее и толкнул к стене. Женщина вскрикнула. Он стукнул ее головой об стену. Она закричала от боли. Скула горела от удара, кажется, она хрустнула, сломалась кость. На окрашенной стене остался кровавый отпечаток.

Другой мужчина ударил ее по голове. Больше женщина не издала ни звука, обмякла и сползла по стене на пол. Он поднял сумку, вытряхнул все содержимое на пол. Помада, зеркало, ручки, блокнот, ключи, кошелек, платок и визитки падали возле своей хозяйки и рассыпались в разные стороны. Первый обшарил карманы плаща, выудил оттуда телефон, покрутил в руках, прицениваясь, спрятал в своем кармане. Второй заметил, коротко, но грозно шикнул:

– Верни.

– Продам – заявил первый.

– Верни – потребовал второй, продолжая орудовать в сумке женщины.

Мужчина не стал спорить, вытащил телефон и с чувством огромного сожаления расставания с дорогостоящей вещью, кинул его на грудь женщины.

– Уходим – скомандовал второй.

Мужчины перебежали через двор, сели в автомобиль на стоянке. Внутри их ждали двое. Эти двое сразу предупредили, что на дело не пойдут, но за дело хорошо заплатят. С этим аргументом спорить никто не стал. Да и дело не сложное оказалось, всего лишь напасть на тетку.

В салоне было темно, никого не видно. Водитель завел двигатель, и машина плавно тронулась со стоянки к выходу со двора.

– Ну как? – спросил водитель.

Мужчины не успели ответить, рядом с водителем голосом экзотической птички, чувственно и нараспев, девушка озвучила желание:

– Надеюсь, вы ее грохнули.

Мужчины на заднем сидении переглянулись, изумленно тараща глаза, стали рассказывать, как прошло задание под кодовым названием: «Нападение на Веру Ивановну».

Весна выдалась ранняя и сегодня радовала по-особенному. Погода чудесная и отличная, даже удивительно, что в начале мая уже так тепло.

Хотелось дольше посидеть в парке на скамейке, подставляя нежным солнечным лучам лицо, руки и даже ноги.

Лица взглянула на руки. Бледные, незагорелые. Ужас просто. А когда ей загорать?

«В обеденный перерыв пойду в парк под солнышко» – решила девушка. Пусть кожа порадует, если конечно солнце при виде белоснежной Лики не упадет в обморок и не спрячется за луну, ну или за тучу.

Решено, так решено. Вот только Лица сама забыла, когда у нее был полноценный перерыв. В ее обеденный перерыв к ней приезжают работники с объектов, а их отправлять на другое время нельзя, они тоже пашут с утра до ночи, и когда у них освободилась минутка, тогда они и

едут. Или она вызывает сотрудников офиса для решения текущих или очень важных вопросов. Так или иначе, но свободного времени у нее нет. Так что опять накрылось медным тазом ее загорание в парке.

Она опять посмотрела на руки и подумала – не такая я и белоснежная. В контрасте с костюмом руки и ноги смотрелись чуть темнее, чем белоснежный материал.

Она с сожалением посмотрела на парк, обласканный майским солнышком, и вошла в холл офиса. Если бы она могла знать, что сегодня не увидит солнца.

Она шла по коридору и за каждой дверью слышала голоса, гудение включенных компьютеров, кондиционеров и чайников, все ее сотрудники уже на своих рабочих местах. Сама Лика опоздала на пять минут и то только из-за пробки на дороге, которую ей пришлось объезжать дворами, а сотрудники ее никогда не опаздывали, все ответственные, добросовестные специалисты. Наверное, они служили в Армии, а там их научили дисциплине, выправке и ответственности, а еще вставать с солнышком, одеваться за сорок секунд (пока спичка горит), завтракать за минуту и работать весь световой день. Никто не уходил на обеденный перерыв, не зайдя к ней, ведь в любое время могут решаться текущие и сверхважные вопросы.

Лика не была начальником-деспотом, наоборот, очень переживала, если кто-то оставался на внеурочное время, и всегда извинялась за неудобства, давала указание секретарю Соне заказать обед в офис, и никто не обижался. Ей очень крупно повезло с персоналом, его она ценила, всячески поощряла и хвалила.

«Все отлично справились с работой, скажу Вере Ивановне выписать всем премию».

– Доброе утро, Анжелика Валерьевна – в приемной начальницу встречала секретарь, с жизнерадостной улыбкой Соня включила кофе машину. – Кофе крепкий делать – несколько спросила, а констатировала она ежедневные действия.

– Да. Доброе утро, Соня.

Лика зашла в свой кабинет, но дверь не прикрыла, в последнее время казалось, что дверь здесь лишняя и установлена для красоты, потому что закрывали ее редко, только для очень важных переговоров.

– Как добрались, Анжелика Валерьевна? – поинтересовалась Соня, готовя кофе.

– Была пробка на Жуковской. Объехала дворами – Лика включила компьютер, он громко загудел.

– Сегодня он на взлет идет? – Соня показала взглядом на компьютер. – Ваш компьютер выдумал, что он самолет.

Она поставила кофейную чашку на стол для переговоров. Лика никогда не пила и не ела за своим столом, боялась испачкать бумаги и документы, которых на рабочем столе было полным полно. Они лежали стопками, ровно и не ровно, одна поперек другой. Никто в них не разберется, а она сможет с закрытыми глазами найти нужный документ.

– Надо будет Юру позвать, пусть посмотрит, что с ним не так.

Компьютерщика Юрия Лика вызывала редко, чем, естественно, возмущала программиста, по его мнению, к ее компьютеру он должен подходить не реже одного раза в месяц. Лика же считала, что чистить от вирусов, спама, хлама и обновлять программы – это его непосредственная работа, и бороться с гудением он не должен.

– Если он сломается, то вся информация полетит.

– Вера Ивановна говорила, что ее компьютер тоже так гудел, Юра-волшебник только вентилятором продул, почистил. И теперь он работает как новенький.

– Вот и хорошо, – Лика села пить кофе – позовешь Юру?

Лика посмотрела на свои наручные часы – восемь часов двадцать девять минут пятьдесят семь секунд. Она одним глотком допила кофе и отставила кружку.

В эту секунду дверь отворилась и в нее вошла Лена из бухгалтерии.

Лика может и не сомневаться, что сейчас восемь часов, тридцать минут и ноль секунд, а теперь одна, две и так далее. Секунды не стоят на месте, и ее сотрудники тоже.

Нет сомнений, точно в армии служили.

«Повезло мне с сотрудниками» – порадовалась мысленно Лика.

А это была последняя хорошая и позитивная мысль в сегодняшний день.

Все без исключения сотрудники ООО «ДомЭкоСтрой» знали свои обязанности. Знали, кто и за что отвечает, кто перед кем отчитывается и к какой цели продвигается.

И сегодня Лика не планировала проводить планерку в офисе. На сегодня была назначена встреча с главным прорабом Николаем Федоровичем. Прораб он от бога. Если бы он три года назад не помог ей, то накрылась бы фирма по строительству жилых объектов медным тазом с черненькой каемочкой. Лика сама тогда ничего не понимала и обрушившийся на нее снежной лавиной бизнес, руководство фирмой и строительство, должны были погибнуть в расцвете сил. И благодаря преданности и квалифицированности Николая Федоровича все осталось на плаву. Он потянул всю работу, научил нюансам, предупредил о подводных камнях и научил их обходить, точнее оплывать.

Здесь нужно уточнить, что три года назад в жизни Лики произошли кардинальные изменения и трагедия, повлекшие за собой страх, неуверенность, панику. Это в свою очередь могло привести к краху фирмы, но прораб Николай Федорович выкрутил ситуацию, взял бразды правления в свои руки и спас Анжелику. А еще он научил ее руководить. Да, она не умела это делать.

– Многие путают действия – руководить и командовать и считают себя хорошими начальниками, но на деле это выходит по-другому. Начальство делится на две группы людей полностью противоположные друг другу. Первая группа – зазнавшиеся короли, грозные командиры, любители требовать. Вторые – лидеры, создающие себе команду, и идущие к одной цели. В первой группе сотрудники выполняют команды без желания, с плохим настроением, даже если это является их неотъемлемой и прямой обязанностью. А во второй – можно даже не раздавать указания, ведь каждый знает систему изнутри, идет к поставленной цели, с постоянством своих приобретенных знаний и желанием и возможностью обучаться, чтобы получить доход и прибыль. Лидеру остается только консультировать и доверять.

Лика не всегда была лидером, да что уж там, она никогда не была лидером, но жизнь повернулась так, что ей пришлось руководить коллективом и управлять фирмой. И от всего своего сердца была Николаю Федоровичу благодарна. А в приемной ее кабинета появилась бухгалтер Лена, Лика удивилась (никого кроме Николая Федоровича она не ждала), пересела в свое рабочее кресло и уже собиралась пересмотреть некоторые документы, но остановилась когда Лена начала панику прямо с порога.

– Анжелика Валерьевна, тут такое случилось.

– Какое такое? – с тревогой уточнила она, глядя изумленно на Лену.

– У нас ЧП.

– Что у нас случилось? – строго и требовательно повторила начальница.

– ЧП – затараторила бухгалтер. – Это конечно не у нас ЧП, а у них, скорей всего, но все равно. Она же у нас работала. Значит у нас ЧП.

– Лена, я ничего не поняла.

Соня не выдержала и потребовала:

– Лена! ты можешь четко и внятно сказать? Какое ЧП? Кто у нас работал? Что случилось?

Говори быстро.

– Вера Ивановна не пришла на работу к восьми часам.

– Я ей сейчас позвоню. Это же не повод для паники – заверила Соня.

– Мы уже ей позвонили.

– И... – нетерпеливо протянула Соня – Лен, из тебя сегодня пинцетом слова вытягивать?

Лена захлопала ресницами, представив картину, Соня поторопила:

– И что вам сказали?

– Нам сказали, что ее вчера ограбили, избили и покалечили, и она сейчас лежит в больнице, умирает – на одном дыхании выпалила Лена и зарыдала.

– Во дела – протянула Соня.

– Так, спокойно – скомандовала Лика, встала с кресла, подошла к дивану, достала из сумочки телефон и набрала номер Веры Ивановны – главного бухгалтера фирмы.

– Выключен. Соня, найди мне е домашний номер. Может сын уже вернулся домой, она говорила, что он приезжает на днях, только не говорила когда именно. Может он мне все объяснит.

Соня побежала в приемную и стала щелкать клавиатурой компьютера. Все личные данные и прочую информацию она, как современная женщина, держала в гаджетах, и принципиально не пользовалась блокнотами и тупыми карандашами.

– А нам что делать? – чуть успокоившись, спросила Лена.

– А у вас нет дел? – удивилась Лика, понимая, что сегодня бухгалтерия будет работать в режиме незакрывающегося рта и обсуждать происшествие с главным бухгалтером.

– Есть.

– Так делайте их, пожалуйста.

«Не все мои сотрудники служили в армии» – Лика засомневалась.

Лена на пороге оглянулась:

– А Вера Ивановна?

– Я узнаю и сообщу вам – пообещала Лика.

Секретарь обежала бухгалтера, вбежала в кабинет и протянула распечатку с личными данными. Лика набрала номер и стала слушать гудки. Никто не подходил к телефону. Наверное, сын еще не приехал. Она набрала еще раз. Выпроводив бухгалтера из приемной, Соня зашла к Лике и спросила:

– Ну что?

– Не отвечает. Дома никого нет.

Она положила трубку на аппарат, а ее мобильный зазвонил, на дисплее высвечивался незнакомый номер.

– Да – торопливо ответила она.

– Я сын Веры Ивановны, Виталий, – представился хозяин незнакомых номера – Она попросила меня позвонить вам и сообщить, что не сможет сегодня прийти на работу.

– Виталий, как она себя чувствует?

– У нее сильный ушиб головы и сотрясение.

– Где она?

– В седьмой больнице.

– Я могу к ней приехать? Меня пустят?

– Да. Именно поэтому я вам и звоню. Она попросила, чтоб вы приехали и захватили банковские документы.

– Вы серьезно? – удивилась Лика, про себя подумала: «Вот Вера Ивановна не только в армии служила, она еще и робот» и уточнила – она с сотрясением просит, чтоб я привезла ей документы?

– Да, мама сказала, что ей нужно подписать чековую книжку.

– Хорошо. Что ей можно привезти? Я имею в виду не документы.

– Ничего не надо. Я все уже привез.

– Я скоро буду. – Лика попрощалась и отключила телефон.

– Как Вера Ивановна? – спросила Соня, слышавшая половину разговора.

Лика стала собирать свою сумочку, не забыть телефон, блокнот, на ходу пересказывая разговор с сыном Веры Ивановны. Она открыла сейф, достала чековую книжку и положила в сумочку.

– Удивительная женщина. Она даже с сотрясением заботится о том, чтоб мы сегодня получили деньги. Профессионал. Люблю ее, – восхитилась Соня и добавила – но ничего же не случится, если деньги получите завтра или через неделю, а не сегодня?

– Нет, Соня, – не согласилась Лика – Вера Ивановна права. Все нужно делать вовремя. Сегодня значит сегодня. Тем более штрафы за каждый день просрочки нам не нужны.

Лика заехала в магазин, купила виноград и сок. Виталий сказал, что ничего не надо привозить, но у нее даже в мыслях не было послушаться его. Никогда в ее жизни еще такого не было, чтоб пришла она в гости без гостинца. Посещение больного в больничной палате, это, конечно, не поход в гости, но с пустыми руками она не пойдет.

«Плохо, что люди болеют – думала Лика, встречая возле больницы людей в халатах, в медицинских – медперсонал, в домашних – больных. – Плохо, что болезни приводит их в стены этого заведения, с жутким названием больница. Интересно, это название произошло от слова боль? Здесь причиняют боль или убирают боль? Лучше лечиться дома. Но просто так в больницу не госпитализируют, по пустякам в больницу не кладут. Значит, на это были весомые неотлагательные причины. Здесь пахнет болью. Болезнь источает боль, которая чувствуется каждой клеточкой тела».

Она очень не любила, когда люди лежат в больнице. Да, да, именно так. Именно, «лежат в больнице» – это она ненавидела, суеверно боялась этого и переживала за лечащихся. Тот факт, что люди болеют – не пугал ее. Да в любом возрасте можно заболеть, подцепить заразу, поймать вирус, простудить горло холодным мороженым или соком со льдом, все это случается. Но не столь страшно, когда человек лечится дома. Дома ему помогают родные, мамы, папы, бабушки и дедушки, своя комната, родные стены, да любимая подушка, наконец. А в больнице что?

Племяннику Мише было почти годик, когда он заболел. Весь день он был вялым, плохо ел, капризничал. Никто не мог понять от чего ребенок стал температурить, ведь в семье никто не болел. На следующее утро сестра помчалась с ним в больницу. Педиатр поставила диагноз – вирусная ангина – и не стал рисковать, отправил их в стационар.

Мальчик рос плотненьким бутузом, щечки пухленькие, на ручках и на ножках – складочки, пузико у карапузика. Доктор прописал капельницу с антибиотиками. Медсестры забрали ребенка у матери, чтоб поставить систему. Миша орал так, что Ангелина рвалась в двери процедурной. Сколько времени прошло, она не знает, но когда ей разрешили войти, то обе медсестры возмущенно пожаловались «Он у вас такой толстый, что мы долго не могли найти вену». Ребенок лежал под капельницей, спал и нервно всхлипывал во сне. «Могли бы не выгонять меня, я бы помогла найти.– шепотом возмутилась мать и на удивленный взгляд медсестер, пояснила – я доктор». Она села рядом, прикрывая Мишеньку своими руками, как куропатка прикрывает крыльями своих птенцов.

Когда они вернулись в палату (катетер стоял на запястье), и Геля сняла с ребенка штанишки, то увидела на ножках следы от уколов. Она растерянно застыла. Она стянула с ребенка рубашечку – перепроверила свои догадки. На руках, в запястьях, в локтевом сгибе, под коленками были такие же следы.

Эти недомедсестры пытались найти вену, во всех возможных местах кололи ребенка иглой от системы. Вот почему он так! орал!

Потом, естественно, орала Ангелина. На недомедсестер и недодокторов.

Потом, естественно, мать не отпускала от себя дитя. Обнимала его, жалела, просила прощение и целовала, целовала, целовала.

Ангелина с Мишей пролежали неделю, за это время они не только вылечились, но и исхудали, стали нервными, раздраженными и плаксивыми.

Поэтому Лика ненавидит боль-ницу, от слова боль.

Виталию она решила не звонить и не спрашивать по трем причинам, во-первых придерживалась принципиального правила – если есть возможность узнать самой, то она это сделает. Во вторых если есть возможность узнать самой, то она не будет отвлекать человека, тем более, если у него могут быть важные дела. А у Виталия, и это предсказуемо, возле больной матери могут быть важные дела. И в третьих он по телефону разговаривал как робот. Может, конечно, ей показалось, и она сделала поспешные выводы о человеке, которого ни разу в глаза не видела, а может, у него так проявляются переживания за самого близкого и родного человека.

В регистратуре она узнала номер палаты Веры Ивановны и имя лечащего врача, поднялась на шестой этаж, прошла по коридору в нужную палату, по дороге ловя себя на мрачных мыслях по поводу больничной среды. А среда больничная, как бы ни хотелось от нее скрыться и закрыться, была везде, даже в носу. Слышался запах лекарства, к нему приклеился запах болезни и грустной атмосферы и белых потолков и окрашенных в бледно зеленый цвет стен.

Она постучала в нужную дверь и приоткрыла ее, найдя взглядом Веру Ивановну, Лика прошла к ее кровати. Вид Веры Ивановны вызвал сочувствие: голова перебинтована, скула заклеена пластырем, под глазами огромные синяки, цвет лица контрастно бледный с желтизной, она как бы постарела лет на двадцать. Во всем этом одно обрадовало Лику: спала она спокойным детским сном.

Возле кровати на стуле сидел молодой мужчина. Лика отметила, его красоту, но он взглянул на нее пустыми стеклянными холодными глазами и первое, вернее второе впечатление о нем резко изменилось.

– Анжелика Валерьевна? – негромко спросил.

– Да, – шепотом ответила она.

– Мама спит, ей сделали укол. Пойдемте в коридор. Не будем ей мешать.

Они вышли в коридор, встали у окна. Виталий разговаривал в полголоса, Лика в этом его поддержала.

– Вы, Анжелика Валерьевна, на мой вид не обращайтесь внимание. Я не спал уже двое суток. Глаза как у обдолбанного наркомана.

Лика не стала ему говорить, что именно эта мысль пришла ей в голову, когда его увидела.

– Вы не бойтесь, я не наркоман.

– Я и не боюсь – быстро соврала она.

– Я вчера с плавания пришел, – устало говорил он – До этого сутки не спал. На вахте был. Домой приехал, ужин сделал, спать не ложился, ждал ее с работы. Потом вот это случилось – он посмотрел на дверь в палату – и некогда было и некуда было прилечь. То снимки делали, то с докторами общался, потом участковый расспрашивал.

– Я могу вас подменить – предложила Лика.

– Спасибо, конечно, но у вас своих дел полно. Доктор сказал, что через пару дней ее можно забрать на домашнее лечение.

– Может вам помощь нужна? Вы говорите, не стесняйтесь. Вера Ивановна нам не чужой человек.

– Да все есть, – устало сказал он – справимся.

– Может лечение оплатить? – не отставала Лика.

Виталий хмыкнул и вздохнул:

– У меня есть деньги, Анжелика Валерьевна.

– Я в этом не сомневаюсь. Извините, если обидела вас своим предложением.

– Проехали – отмахнулся он.

«Гордый, – заявила себе Лика – гордый и уставший. Все с ним понятно. Никакой помощи не надо. не примет, справится сам. Независимый мужчина со стеклянными глазами».

Она поставила пакет с виноградом и соком на подоконник и спросила:

– Виталий, а вы знаете, что произошло?

– Знаю – он потерял шею, разминая позвонки и массируя гудящее тело – Она возвращалась с работы и в подъезде на нее напали. Стукнули по голове, выхватили сумочку, обчистили карманы и смылись. Соседка услышала возню на лестничной площадке и выскочила. Увидела только черную спину и капюшон на голове. Позвала меня. Это все что я знаю.

– Ужас. Хоть бы нашли этого... – она не смогла подобрать корректное слово и спросила – он один был?

Виталий пожал плечами.

– Мама говорит, что их двое было. Били по голове и все. Вот как их найти? Кто-то в черной одежде, в черном капюшоне. И все. Никаких зацепок и примет. И свидетелей тоже нет. Глухой номер.

– А может камеры видео наблюдения. Они же сейчас на каждом углу развешаны.

– Анжелика Валерьевна, – чуть возмущенно сказал Виталий – мы живем не элитном доме для богатых и знаменитых. У нас в районе камеры видео наблюдения только на магазинах. И то не в каждом, через один.

Лика ничего не ответила, для нее это прозвучало как упрек. В ее доме на каждом подъезде, на каждом углу, на каждой крыше по три, а может даже по пять камер, ведь дом для богатых и знаменитых. Или как он там сказал? Но она решила не обращать внимание на упрек, да и не упрек это, скорее всего, а усталость.

Виталий, чуть успокоив свое возмущение, сказал:

– Хотя, вы знаете, я очень жалею, что моя мама живет не в элитном доме. Но ничего. Все изменится. Еще в одно такое же плавание схожу, вернусь, и эту квартиру продам, куплю в нормальном районе. Чтoб этих уродов- наркоманов, даже в пределах лье не было.

– Почему вы думаете, что это сделали наркоманы? поинтересовалась Лика.

– Я бы не удивился, если бы напали на меня, потому что у меня были деньги. Или влезли бы в квартиру в наше отсутствие, то есть по наводке, А напали на пожилую женщину.

– Она не пожилая – успела возразить Лика.

Виталий не заметил протест, ему очень хотелось рассказать свои расчеты и предположения.

– У нее в сумке телефон, кошелек с мелочью, тысячи полторы и паспорт. Вот и все ценности. Еще ключи от квартиры.

– Подождите, вы хотите сказать, что украли ключи?

Холодные мурашки пробежали у нее по спине. Нехорошие мысли поскакали в голове, она честно постаралась их отогнать.

– Да. А телефон не взяли. Странно.

– Это такая связка с брелоком ананасом?

– Кажется да. Откуда вы знаете?

– Я этот брелок ей с Москвы привезла. – с горечью сказала Лика и посмотрела в окно – на этой связке еще ключи от офиса, сейфа, от нескольких кабинетов, в том числе и моего.

– Я вчера позвонил соседке, чтоб она слесаря вызвала, и замки на двери поменяла. Вам так же надо сделать. Хотя я думаю, что это наркоманы, им не хватало на дозу. Не думаю, что вашему офису грозит опасность. Лучше бы он квартиру мне взломал. Лучше бы на меня напал.

Лика посмотрела на Виталия другим взглядом, с уважением, все же он хороший человек. О маме печется, отзывается с любовью и очень сожалеет, что не смог предотвратить нападение на Веру Ивановну и принять удар на себя.

Виталий махнул головой, показывая взглядом:

– Доктор мамин идет. Вы тут побудьте, если он ее разбудит, я вас позову.

Вернулся он буквально через минуту.

– Пойдемте, – позвал он Лику – он не к маме, но она уже не спит.

Лика взяла пакет с гостинцами и зашла в палату.

Доктор разговаривал с другой пациенткой, но проявил бдительность, строго сказал:

– Не долго. Больной сейчас покой нужен. Это ее самое главное лекарство.

– Да- да, конечно – согласилась Лика и повернулась к Вере Ивановне – как вы себя чувствуете?

– Хорошо – соврала она – это мой сынок, Лика.

– Мам, мы уже познакомились – сказал Виталий и взял ее руку в свою, стал ее поглаживать.

– Это вам от коллектива – Лика поставила пакет с гостинцами на тумбочку возле кровати

– Выздоровливайте скорее.

– Я только «За» – через силу улыбнулась Вера Ивановна и тут же включила в себе главного бухгалтера фирмы – Лика, вы чековую книжку привезли? Давайте я ее подпишу. Сама заполни, напиши «Выдача премии» и не забудь расписаться, – раздавала она четкие указания – возьми охрану и езжай в банк. До трех часов надо успеть. Я вчера в банке наличные заказала.

– Вера Ивановна, не волнуйтесь вы так.

– Ликочка, – разъяряла строго женщина – если я в больнице это вовсе не повод задерживать оплату.

– Мам, действительно, один день роли не сыграют – возмутился Виталий.

– Сыночка, об этом и речи быть не может, – строго пояснила она – я так не работаю, и Лика, кстати, тоже. Сегодня значит сегодня. Если я сегодня не сделаю свою работу и обязанности, то строитель не сделает свои, а рабочий не станет делать свои. А это цепочка. Одно за другим звеном будет цепочка рваться и приведет к тому, что объект будет сдан не вовремя. Тут уж точно по голове получить можно – она в шутку легонько потрогала ушибленную голову.

Доктор повернулся к больной и строго повторил:

– Вера Ивановна, покой самое лучшее лекарство, а вы митингуете, как депутат на трибуне.

Он подошел к ней и стал заглядывать в глаза.

– Отдыхать надо – еще раз напомнил он.

– Да-да, конечно – забеспокоилась Лика.

– Дисциплина у вас похлеще, чем на корабле – шепнул Виталий Лике.

– А без нее никак – услышала мать.

– Мам, ты в армии служила? – пошутил Виталий.

– Думаю, да – согласилась Лика.

Ее сегодня уже посещали мысли, что персонал фирмы служил в армии. Видя, что Вера Ивановна начала шутить, настроение улучшилось. Главный бухгалтер подписала чековую книжку в нескольких местах и отдала Лике.

– Я завтра приеду.

– Конечно, Ликочка, приезжай. Завтра я еще не поменяю больничную палату на свою любимую уютную квартиру.

– Завтра точно не поменяете – подтвердил доктор.

– Выздоровливайте – пожелала Лика.

– Мам, я провожу. Заодно и воздухом подышу.

На улице Лика поняла, что в больнице ей не хватало свежего чистого воздуха. Виталий проводил ее до машины.

– Виталий, – предложила Лика, садясь в машину – если что-то понадобится Вере Ивановне или вам, обязательно позвоните. Обещайте.

– Хорошо – устало согласился он.

Виталий видел, что следом за ее красивой, шикарной, дорогушей машиной из ворот больницы выехал Жигули зеленого цвета. Видел, но не придавал значения, мало ли кто за кем ездит.

Вернувшись в офис, Лика с порога стала давать указания Соне:

– Соня, собери всю бухгалтерию в конференц-зале на отчет. Через десять минут я подойду.

Соня только успевала махать головой, соглашаясь и давая понять, что она услышала начальницу и поняла задание, набирала номера телефонов.

– Мне срочно нужен Николай Васильевич.

Соня махнула головой.

– Соня, срочно!

– Я поняла. Уже набираю. – Она наизусть знала номер телефона начальника службы безопасности, придерживала трубку плечом, продолжала щелкать по кнопкам стационарного аппарата.

Лика посмотрела на часы. Времени до трех оставалось совсем не много, а ей еще нужно встретиться с прорабом и пообщаться с бухгалтерами. Если они все сегодня такие как Леночка, то день будет потерян.

«Без Веры Ивановны как без рук – подумала она – свою работу сегодня совсем не делала. Придется ночью дорабатывать».

Но за свои обязанности она совсем не переживала, а вот Вера Ивановна после выписки из больницы всем головы поотрывает, если хоть день, хоть час, хоть минутка будет потрачена не на работу. А интуиция подсказывала, что девчонки из бухгалтерии сегодня заняты обсуждением своей горькой судьбы, страшилками и придумыванием историй и версий.

Зато Соня уже сделала много дел. В ее отсутствие вызвала программиста Юру, который скопировал инфу на жесткий диск, почистил комп от информационной грязи и продул от пыли, при этом попросил не увольнять заместителя генерального директора по экологии офиса – уборщицу тетю Зину.

– Проходи, Николай Васильевич – махнула Лика, увидев начальника службы безопасности через открытую дверь, которая здесь только для красоты, а не для того, чтобы прикрывать.

Николай Васильевич, работал у нее с основания фирмы, начинал еще при прежнем начальстве, с Ликой общался в дружественной, неформальной обстановке. Она знала всю его семью, могла перечислить всех поименно до третьего колена, а именно от него самого до его внуков и внучек. Она так же знала, как зовут любимую дворовую кошку супруги Николая Васильевича и кличку хомячка третий внучки. Знала близко, потому что ходили друг к другу в гости, ездили на дачу жарить шашлык, на пикник в лес. Николая Васильевича Лика называла на ты.

– Привет, – он зашел в кабинет, сел на диван и коротко потребовал – говори.

– Только что от Веры Ивановны – начала она, щелкая мышкой. – Ты в курсе, что с ней случилось?

– Естественно. Подробностей не знаю, но если хочешь, позвоню ребятам в отдел.

Отделом Николай Васильевич называл прежнюю работу, полицейский участок, в котором прослужил двадцать семь лет и четыре месяца.

– Не надо пользоваться своими связями, тем более, сейчас. Сын, Виталий, говорит, что наркоманы напали.

– Естественно, никто ничего не видел.

– Естественно – грустно подтвердила Лика.

– Что тогда я могу сделать, если ты мне не разрешаешь звонить ребятам в отдел.

– Уточняю: я не советую пользоваться связями. Я тебя по другому вопросу вызвала. У Веры Ивановны в сумочке была связка ключей. Ее украли.

– От офиса?

– Да. Прямо с полуслова все понял.

– Издержки производства.

– Специалист.

– Нахвалила. Заканчивай с этим. Что еще?

– Мой кабинет.

– Ясно, – бодро поднялся с дивана и объявил – срочно меняем замки. Даже если это наркоман, который сумку в мусорку выкинет, только деньги на дозу возьмет, подстрахуемся. Все спокойней спать будем. Зачем нам с тобой еще из-за этого переживать. Ляжем спать со спокойной совестью и с чистыми мыслями, что ключами никто уже не сможет воспользоваться. Пойду дам распоряжение.

– Хорошо. – согласилась Лика и ошарашила – Сумку не взяли, даже телефон не украли.

На полпути к выходу он остановился и обернулся.

– Значит, на нее напали ради ключей – тоном, не предвещающим ничего хорошего, заявил Николай Васильевич.

– И кто, по твоему мнению, хочет ими воспользоваться?

– Царев.

От упоминания Царева, Лика скривилась, как при острой зубной боли. Вот о ком она не хотела думать больше всего на свете, так это о Цареве.

Царев Константин Константинович, гроза строительного бизнеса всего города, выходец из бандитского времени девяностых годов прошлого века, решил подмять под себя все строительные компании, строительные площадки и магазины, базы бетона и металлопроката, песчаные и каменные карьеры.

И если ему не удавалось это сделать мирным путем переговоров и подписанием контрактов, то он шел на крайние меры. Меры эти были криминальные, но не доказуемые. Про это ходили сплетни, передавались из уст в уши, причем шепотом. При любом раскладе дел, интересные фирмы становились бизнесом Царева. А несговорчивый хозяин фирмы либо вдавался в бег, прихватив с собой всю семью и домашнего попугайчика, либо попадал в аварию, либо исчезал без вести, либо находился на дне оврага. Но, так или иначе, доказательств причастности в больших преступлениях и мелких пакостях Царева не было. Либо они были хорошо и надежно спрятаны заинтересованными лицами. Заинтересованных лиц с каждым днем в его кругу прибавлялось, потому что круг его бизнеса расширялся.

Сам Царев был вхож в любой кабинет городского управления, начиная от администрации города, заканчивая коморкой бабушки консьержки в подъезде. И к тем и к другим он входил, открывая дверь ногой с размаху.

Со стороны казалось, что Константин Константинович, всеми правдами и не правдами пытался доказать окружающему миру, что не зря получил фамилию Царев, и должен соответствовать ей, пользуясь всеми путями и дорогами, а также методами и способами, чтобы ни у кого не возникло сомнений в его всевластии.

Зимой Царев прислал в фирму Лики своего гонца, доверенного атташе, Самсонова Бориса. Молодой мужчина больше смахивающий на хорька, и внешне и поведением, предложил сделку. Анжелике Валерьевне нужно было всего лишь подписать нотариальный договор о передаче активов ее фирмы на имя Самсонова для дальнейшего слияния с монополией Царева. Лика внимательно выслушала культурного Симонова и культурно отказалась. Перемена культурного Самсонова последовала сразу – он превратился в наглого, раздраженного грубияна. Уходя, сообщил, что она зря противится, все равно будет так, как решил Царев.

Через месяц визит повторился. Хорек в лице Самсонова Бориса вернулся с теми же условиями, но с другим лицом. Он перестал играть роль культурного человека, и сразу показал настоящий оскал хищника. Стал требовать и угрожать, предупреждать о последствиях и рисовать страшные картины будущего Анжелики Валерьевны. Конкретики никакой, зато намеки и многозначительный взгляд будущее Анжелики вырисовывали в черных красках с мазками кровавого цвета.

Лица внимательно выслушала и вызвала службу безопасности. Николай Васильевич был в курсе первого явления хорька Бориса, поэтому сразу сообщил ему, что камеры видео наблюдения в кабинете Анжелики Валерьевны работают исправно и записи сегодня же попадут в правоохранительные органы. «Правоохранительные органы! – хитро улыбаясь, повторил Борис и заявил – да эти органы хранят права Царева».

В тот день, после ухода хорька Бориса, было принято решение в полицию не обращаться, но запись размножить и сохранить. После того визита все стихло.

С того времени прошло почти четыре месяца. Для Царева это большой срок. Мог ли Царев так долго ждать подходящего случая, чтобы завладеть ключами? Да и зачем они ему? Да и угроза была Лике, а Вере Ивановне никто никогда не угрожал.

– Если бы на Веру Ивановну напали ради ключей, то этой же ночью влезли бы в офис. – веско заметила Лица – Но этого не произошло. Глупо выкрасть и не воспользоваться. Я тоже предполагаю, что на Веру Ивановну напал наркоман ради дозы.

– Это самый безобидный вариант событий. Главное, чтоб Царев не начал действовать.

– Зачем Цареву ключи? Объясни мне – требовательно попросила начальница.

– Пока не могу. Я подумаю.

– Не нагнетай – попросила Лица.

Николай Васильевич цыкнул, тяжело вздохнул и пошел к выходу. Версия с интересом Царева его тоже не радовала, а настораживала и тонизировала. Если это действительно Константин Константинович начал действовать (не сам, конечно, а его доверенные люди, которых в народе называют палачами, а в полиции – исполнителями), то жди огромной, страшной, непредсказуемой и непоправимой беды.

В дверях, которые для красоты, он обернулся и спросил:

– В банк во сколько едем?

– До трех надо успеть – не отрываясь от компьютера, сообщила она – подопечным Веры Ивановны дам ценные указания, а то она мне козыи рожки устроит.

– Это она может – согласился мужчина, потом спросил – говоришь, Виталька с плавания вернулся.

– Кто? – не сразу поняла она, потом вспомнила красивого мужчину со стеклянными глазами, отвлеклась от компьютера – да, вернулся. Не мешай мне, и не задавай резких вопросов.

– Издержки производства. Привычки следователя не пропьешь.

– Иди уже – попросила Лица, хватая папки со стола.

Она прихватила с собой Соню и сломя голову побежала в конференц-зал. Из головы не шел разговор с Николаем Васильевичем по поводу Царева, но она трусливо откидывала эту версию.

Лица вышла из банка и взглянула на часы – четырнадцать сорок пять. Успела. Даже пятнадцать минут осталось до закрытия кассы выдачи наличных, даже можно было Николая Васильевича дожидаться, чтоб поехать вместе.

После совещания с бухгалтерами, Соня стала звонить и разыскивать Николая Васильевича, в кабинете его не было, телефон в не зоны действия сети. Решив, что он занимается сменой замков, она поехала в банк сама. Тем более время не резиновое и тянуть его было уже

опасно. Опасность крылась, естественно, в виде разъяренной Веры Ивановны, которая предупредила, что срок возврата долга не может перенести и сдвинуть даже землетрясение.

Только опасность крылась совсем в другом: более страшном, жестоком и беспощадном.

Опасения ее по поводу опоздания, улетучились, как только она припарковала машину. К сожалению, на стоянке банка не получилось припарковать – у какого-то бедолаги сломался жигуленок, перекрыв въезд на стоянку. Бедолага пытался его отремонтировать, залез под капот, измазался с ног до головы, при этом успевал переругиваться с охраной банка. В силу торопливой ситуации в ответственном деле, Лика не стала дожидаться, пока хозяин зеленого жигуленка отгонит свою поломашку, поэтому поехала дальше, ища место для парковки. Но разве это может испортить ей настроение? с учетом того, что она не опоздала.

Больше она ни за что не переживала. Ни за то, что ей сегодня пришлось везти очень крупную сумму денег. Ни за то, что везет она ее без охраны. Ни за то, ни за это она не переживала. Раньше же тоже приходилось так делать. Она с Верой Ивановной так уже возила.

Поэтому она без опасения и левых мыслей прошла на стоянку, подошла к своей машине, открыла заднюю дверь и закинула сумку с деньгами на сидение.

Она успела только захлопнуть дверь и боковым зрением увидела тень. Тень опасности – страшной, жестокой и беспощадной.

Тень больно кольнула ее в плечо. Лика почувствовала резкую боль, следом сухость во рту, головокружение, руки обвисли, ноги обмякли. Она стала заваливаться на спину. Тень подхватила ее и не дала упасть девушке на землю. Лика хотела оглянуться и даже попыталась это сделать, но не смогла – ни одна мышца не шевельнулась, не слушалась. Лика медленно закрыла глаза.

Больше она ничего не видела, не слышала и не чувствовала.

Официантка Лена подошла к барной стойке и попросила:

– Сеня, повтори на седьмой столик.

Сеня машинально взглянул на седьмой столик и достал с холодильника бутылку водки.

– Разошлись ребята – констатировала она.

– Не – со знанием дела протянул Сеня. – Больше заказывать не будут.

– Откуда ты знаешь?

– Так они каждый год здесь тусят. Нормальные пацаны.

Сеня всех называл пацанами, до шестидесятилетнего возраста, а тех, кто старше, называл мужичками.

Девушка взглянула на странную компанию четырех мужчин и подумала, что ничего в них странного, выпивают, закусывают, общаются старые друзья. Странными они ей показались, из-за своей схожести. Все, как на подбор, богатыри, высокие, с закаленными мужественными лицами. Правда, один богатырь уже спекся, сполз на диванные подушки, прикрыл пьяно-косые глазоньки, заснул, хоть в баре шумно, весело и музыкально. Трое остальных богатырей, так она про себя их назвала, продолжали выпивать, закусывать и общаться. Нормальные пацаны, как их назвал Сеня, одеты прилично, аккуратно, но в тоже время чуть небрежно. Один вообще в армейских сапогах.

А еще из-за чего «нормальные пацаны» показались ей странными: они не заказали кальян. Эту модную штуку хозяин бара приволок, чтобы посетителей привлечь и не прогадал. Пошли посетители – любители подымить, любители новых штук, любители хвастовства и моды. Хозяин отправил бармена Олега на курсы обучения по раскуриванию и заполнению всякими дрянными модный аппарат. Олег отучился и выученную теорию стал приводить в практику: наполнял, раскуривал, продавал, тем самым принося прибыль хозяину бара. На каждом

столе стоял кальян, из которого дымили и пыхтели паровозы, ой, то есть посетители. Бар превратился в каминную трубу, причем камин растоплен круглый год.

За седьмым столиком сидели четыре богатыря, которые не дымили и не облизывали трубки кальяна.

Но это хорошо для Олега. Лена уже подозревала, что от раскуривания кальяна у него скоро глаза вылезут, мозг высохнет и легкие выскочат.

Она взяла бутылку у Сени и отнесла за седьмой столик, уточнила, что будут ли еще что-то заказывать, получила кучу благодарностей от каждого, кроме заснувшего богатыря, и отошла.

– А ты когда женишься? – спросил Котов, переключаясь на друга.

– Наша песня хороша, начинай сначала – ответил на вопрос Владимир. – Я знал, что рано или поздно, но этот вопрос ты обязательно поднимешь. Нам же больше не о чем поговорить? Только о моей женитьбе.

Саня Кот по-дружески, а официально Котов Александр Михайлович никогда не оставлял тему и повод для обсуждения и дальнейшего оформления личной жизни лучшего друга Владимира. Его сослуживцы постепенно уходили из армии и, как не странно, сразу женились, и все у них было хорошо, спокойно на гражданке и в быту, и в семье, и на работе. И Владимир так же поступил – ушел, обосновался в деревне, женился, вернее сначала женился, потом обосновался (не важно), важно, что в семейной жизни его произошла война. Сам Кот не торопился жениться, не торопился уйти из армии, не торопился к мирной жизни. Считал, что любимых женщин мало не должно быть, а войну лучше устраивать на поле боя, а дома нужно устраивать любовь. Поэтому он продолжал служить на благо Родины, любить ее и женщин.

– Тема о женитьбе актуальная и наболевшая – поддержал Котова Евгений – при чем, для вас обоих.

– Я женат, – развел руками Владимир – и гарем устраивать не собираюсь.

Евгений чуть отшатнулся, навел резкость на друга и удивленно стал прояснять:

– Какой гарем? Ты чего? Женат? Еще не развелся?

– Обязательно отметим мой развод – пообещал Владимир, надеясь, что сейчас от него отстанут.

– Реально? – не поверил Котов.

– Нет. Дана сказала, что сама на развод подаст, я и не заморачиваюсь.

– Ждешь, когда подаст, или когда вернется к тебе? – решил прояснить ситуацию Евгений.

Владимир ситуацию не прояснил, мрачно махнул рукой и попытался перевести тему разговора:

– А нам не о чем больше поговорить? Только о моей личной жизни?

– Разводись и женись – предложил Евгений.

– Согласен. В нашей компании все хотят меня женить. Кроме меня. Еще и не понятно на ком.

– Да какая разница. – заявил Котов – было бы твоё желание, а повод, то есть невеста, найдется.

– Кто бы говорил? – возмутился Владимир – Кот, ты-то сам не женат.

– Так я заядлый холостяк – начал свою шуточную историю Кот – Я не могу осчастливить браком одну единственную!?

– А остальных обойти своим вниманием – подхватил Евгений. – Естественно, так нельзя.

– Конечно нельзя. Вы же меня знаете. – Весело оправдывался Котов – я очень люблю женщин. Много женщин. Я не смогу посвятить себя одной.

– Причем любишь всех – подтвердил Женя – и без разбора.

– Ходок – весело обвинил Володя.

– Я-то, да. А вот тебе Вова, все же жениться надо – не сошел с намеченной темы Котов и вернулся к наболевшему.

Как только они узнали, что Богдана ушла от Владимира, громко хлопнув дверью, друзья стали строить планы по его новому счастливому семейному положению. При этом забыв спросить его мнение. А оно было категорично против новых отношений. Старые отношения оставили неприятный осадок в его душе, схожий с метровым илом в спокойной заводи реки. Такой же вязкий, скользкий, грязный и противный. Чуть вспомнишь Дану с ее последним скандалом, река начинает мутиться и ил поднимается со дна, пачкая прозрачную воду. И долго потом приходится успокаивать реку, опускать осадок на самое дно, очищать до прозрачности спокойную воду.

Но друзья ничего не знают о спокойной реке и ее осадке и уже давно говорят о его женитьбе. А он уже давно не слушает их. Они уже давно строят планы по его женитьбе, и, естественно, о том, как они погуляют на его свадьбе, вот только сам виновник торжества не поддается. Конечно же, они искренне хотят осуществить его семейное счастье через повешение, ой, то есть через женитьбу.

Каждый год в эту дату, ни днем раньше, ни днем позже, они встречаются именно в этом баре. Так сложилось, что именно здесь они встретились в первый год после прохождения службы в Армии. Тогда у них был отличный и радостный повод отметить окончание службы, тогда они поклялись, что всегда будут здесь встречаться. Много изменилось с той первой встречи. Парни вернулись на военную службу, мужчины становились старше, многое им пришлось пройти вместе, время и место забирало близких друзей, время и место награждало новыми звездами на погонах, время и место давало победу. Много поводов было для встречи, и они были разные, и веселые и радостные, и грустные, и трагичные. И друзья ежегодно стали встречаться, чтобы вспомнить все подвиги, все потери, всех друзей, друг друга, а главное себя. Да, да именно себя. Ведь как бы ни был ты влюблен в военное дело, как бы отважно ни сражался, как бы грамотно не организовывал операции, все же теряется мирное Я и приходится вспомнить, найти и обрести себя.

Котов был командир спецгруппы. Вчетвером они – Котов, Владимир, Евгений и Сергей – побывали в сложнейших операциях. Что только им не приходилось делать. Они спасали и вытаскивали агентов из горячих точек, они вычисляли и предотвращали атаки террористов, они помогали службе безопасности страны и уничтожали боевиков и спасали мирное население, они работали под прикрытием и без него, они служили родине и отечеству и ненавидели оккупантов. Их забрасывали в опасные зоны и горячие точки, они учили солдат и воспитывали героев и патриотов. Они выполняли приказы и получали ранения, они лечились в госпитале и отправлялись обратно выполнять приказы.

Первыми из Армии ушли Сергей и Женя. Оба вернулись в родной город, обзавелись семьями. Владимир ушел в прошлом году, когда умер дед. Семейой он обзавелся двумя годами раньше, будучи еще военным. А Котов был категоричен и отказывался даже представить себя в городе, где нет военных заданий, а мирное население не знает, как обращаться с оружием.

– Парни, вам повод нужен, чтобы погулять? – спокойно поинтересовался Владимир.

– Повод? Не нужен – сонно и пьяно ответил Сергей.

Все удивленно взглянули на него. Он уже полчаса не подавал трезвых признаков жизни. Его признаки жизни уже полчаса были пьяны. Он полчаса назад откинулся на мягкую спинку кресла, чуть сполз с нее, обвис и мирно засопел, заснул.

Друзья на него посмотрели, посмеялись, но будить не стали. Жестоко с их стороны будить отца четырех детей. С природой не поспоришь. Младшему сыну полгода, это он Сереге спать не дает, а днем папаше некогда прилечь. И сегодня, после того как многодетный папаша выпил стопочку – другую, его быстро разморило и он мирно заснул, хотя в баре было шумно. Но разве этот шум мог сравниться с шумом и суетой в доме Сергея. Шум бара для него – музыка для медитации йога. Вот он под него и релаксирует.

Поэтому никто не ожидал от него признаков жизни и тем более поддержания разговора.

– У меня на кухне... – начал он.

Но ему не дали продолжить.

– ... У тебя на кухне? – засмеялся Кот. – Вот, друзья мои женатые, поэтому я не хочу жениться. Она невзначай делает так, что я буду считать кухню своей. Не гараж, не военкомат, не полигон, не рабочее место. Не автомобиль, наконец. А кухню!

Сергей махнул на него рукой и продолжил:

– У меня на кухне висит отрывной календарь. Так там каждый день повод для гулянья. Вот сегодня день дояра.

– За дояра, – предложил Владимир, надеясь, что от него отстанут, и обратился к Котову – разливай.

– Какого дояра? – возмутился Кот, но разливать по рюмкам все же стал – мы же тебе говорим, что никакого повода не надо. Ты лучше женись.

– Вы давно на свадьбе не гуляли?

– На твоей – давно. – Не унимался Женя.

– Да что ж вы ко мне цепляетесь? – не зло возмутился Владимир.

– Так сколько же можно холостяком ходить? – спросил Сергей.

– Так не встретил я ту единственную, на которой женюсь.

Владимиру совершенно не хотелось обсуждать свою личную жизнь с друзьями, но приходилось, они все равно не отстанут. Собираясь сегодня на встречу с друзьями, он даже понадеялся, что они не станут затрагивать эту актуальную и наиболее болезненную (как они говорят) тему. Но понадеялся напрасно и безосновательно. Друзья в любой теме могут перевести разговор на обсуждение его холостяцкой жизни.

– А где ты ее собираешься встретить? – поинтересовался Кот. – В лесу? В чистом поле?

– А как же Дана? Она не собирается вернуться? – спросил Женя.

– Дана? Она резко перестала в меня верить. А еще ей не понравился мой стиль жизни и род деятельности.

– Да. – Поддержал Котов – она свободу и деньги любит сильнее Володьки.

– Спасибо, мой всезнающий друг, – с горечью в голосе поблагодарил он за разъяснения. – А у меня свободы мало, спартанские условия, город далеко, развлекаловок нет. Ей не понравилось.

– Ну мне бы тоже не понравился – согласился Котов – Представляю ее недоумение. Вывез ее из города, в лес, поселил ее в... А где ты ее, кстати, поселил? В вагончике?

– Да, – подтвердил Владимир – Где сам живу, там и ее поселил.

Все знали, в каких условиях живет Владимир, а еще знали балованную Богдану, привыкшую к дорогим и шикарным квартирам, дорогим и красивым костюмам, дорогим и сильным тренерам по фитнесу. Поэтому засмеялись, представив ее недоумение от вагончика, в котором живет Владимир. Котов от смеха аж прослезился.

– Не удивительно, что она от тебя сбежала – смеялся Котов.

– Спасибо, мои сочувствующие друзья – без нотки благодарности, сказал Владимир, не усмотрев сочувствия друзей.

– Ну и хорошо, что сбежала сейчас, и не успела сделать его многодетным папашей, как я – защитил друга Сергей.

– Ты хоть ее на огороде не заставлял работать? С ее-то маникюром.

– Не заставлял. Но предложил. Она же знала за кого замуж выходит.

– Тут ты не прав, замуж она выходила за военного, а не за колхозника.

Все опять засмеялись.

– Представляю Дану, обрабатывающую огород. Хотя, это ведь огородом назвать нельзя – спохватился Женя и протянул – это поле.

– Плантация – точно поправил Котов. – Вот ты скажи, Вова, кто на тебя клонет?

- А я не на рыбалке, чтоб на меня клевали.
- Не, ну я серьезно. Посмотри на свой видон.
- Кому не нравится как я выгляжу? – поинтересовался он.
- Армейские боты.

Все заглянули под стол, а чтоб всем было удобно смотреть, Владимир выставил ногу из-под стола.

- Отличные боты. Мне в них удобно.
- Тебе удобно. А девушкам неудобно с тобой знакомиться. А этот плащ? – Котов продолжал в пух и прах разносить внешний вид друга – сколько ему лет и зим?
- Не знаю. Очень много. Он еще дедовский.
- Может пора его похоронить в сундуке на чердаке?
- Не могу.
- Он тоже удобный?
- Очень. И не промокает. И зимой на тулуп налезает и не продувает.
- Ты в этом плаще на лешего смахиваешь. Вот скажи, – попросил Котов – девушкам не страшно к лешему подойти?
- Если страшно, пусть не подходят.
- Вот они к тебе, Вовка, и не подходят – сделал заключение Кот – поэтому свадьбы не будет.

– А так хочется погулять на свадьбе – напомнил Владимир.

– Да нормальный у него вид – защитил друга Женя – как ему удобно, так пусть и ходит.

– Да то и понятно, одного нашего желания мало, чтобы его переодеть и привести в порядок. И если не хочешь свадьбу играть – не играй. Мы же тебе про другое говорим – жениться тебе надо.

- Ну хорошо. Уговорили. Будет сделано. Только разведусь сначала.
- Штамп в паспорте не играет большой роли – всезнающе заявил командир.
- Зато у вас два повода будет – развод и свадьба. Устраивает?
- Вот ты все шутики шутишь – встал на сторону Кота Сергей – а я тебе как специалист со стажем, хочу сказать: у меня трое дочек и сынок, а ты, как рак отшельник, ушел из цивилизации. А где ты собираешься себе такую найти, чтоб за тобой пошла?
- Не уходил я из цивилизации – противился Владимир, сделав вид, что не обратил на последний вопрос внимание.
- Да все с ним понятно – бросил Женя защитную сторону и махнул рукой на друга. – работа у него такая.

– Но о семье думать надо. Вот посмотри Юлечка у меня какая – хвастался Сергей – как кошечка, ласковая, королева моя, как львица, за детьми как курочка ходит.

Все прекрасно знали Юлю, очень ее любили, уважали и восхищались, но не пошутить не смогли:

- Тебя послушать, Серега, так у тебя жена не человек, а целый зоопарк – пошутил Котов.
- Юлечка твоя, Серега, супер женщина.
- Знаю – гордо сообщил Серега.

Володя с облегчением вздохнул, наконец-то все переключились с него на жену Сергея. Но хорошо, что она это не слышит.

После того как от него сбежала Дана, наговорив много гадости в его адрес по поводу его образа жизни, его стиля, его работы, Владимир решил больше не обольщаться по поводу девушек и не заводить романов. А без романов, как известно, в дальнейшем не будет свадьбы и семьи. Он и сам себе прекрасно понимал, что такого, как он, выдержит не каждая женщина. А ему не нужна каждая. Ему хотелось особенной, а таких в природе не существует, все обык-

новенные. Совсем недавно он считал Богдану своей особенной, необыкновенной, ласковой, любимой и любящей. И что из этого вышло?

А теперь он остался один, со штампом в паспорте и метровым илом в душе. И не хочет заводить романы ни с обыкновенными девушками, ни с особенными, ни с простыми, ни с красотками.

Что касается Богданы, то ее совершенно ничто не останавливает в отношениях с мужчинами – и тем более штамп. Уходя, она заявила, что он никогда никого не полюбит, а без нее пропадет, не сможет жить. И кажется, напророчила.

Ох, опять в спокойной заводи реки поднимается ил. Вот вспомнили Дану на ночь грядущую.

А то, как он одевается, Кот не прав, что засмеивает его и упрекает. Ведь не всегда он обувает эти солдатские боты и напяливает дедовский плащ. Сегодня он в этой экипировке, потому что будет дождь, а в связи с тем, что на сегодняшней встрече с друзьями планировалось выпить алкоголь, то машину свою оставил дома.

А еще он очень любит гулять под дождем. Он любит дождь. Он обожает дождь. Ведь дождь его кормит. В переносном смысле этого слова. Но это так.

Было бы желание поспорить с Котом, он бы сказал, что при случае, одевает костюм и начищенные туфли. Но это только при случае. Вот только, в последнее время очень даже при редком случае. Поэтому спорить с Котов не имеет смысла по двум причинам, первая – нет желания, вторая – он все равно убедит всех, что случаи у Володьки редкие. Да и повод для спора отпал сам собой – все переключились на расхваливание распрекраснейшей супруги Сергея.

– Юлечка твоя умничка, красавица – нахваливал Котов – если бы я встретил такую женщину, то женился бы.

– Не надо завидовать. Она такая в одном экземпляре на земле.

– Так, давайте за Юленьку! – Котов поднял рюмку, – и за то, чтоб у нас всех такие женщины были, как Юлечка. Чтоб Женькина Ира изменилась в лучшую сторону, чтоб Володька наконец встретил себе хорошую женщину. Ну а я, чтоб таких почаще и больше встречал.

Сергей, чокаясь с друзьями рюмкой, заявил свой тост:

– А я выпью за то, чтоб ты, Кот, встретил одну единственную, которая тебя вот так в кулак возьмет и не разожмет.

– Не люблю я, когда меня в жесткие рамки запереть хотят – в шутку возмутился Котов.

Они опустошили рюмки, на некоторое время замолчали, закусывая незамысловатыми мясными нарезками и бутербродами.

– Сегодня уйдем раньше ровно на одну рюмку, – скомандовал Кот – Не будем доводить время до греха, а то мне завтра в штабе надо быть.

– Пойду такси вызову, а то меня Юленька заждалась. – вспомнил Сергей – здесь работает услуга «если вас развезло в нашем баре, то наше такси развезет вас».

Сергей пошел к барной стойке, сообщить бармену, что их уже развезло и их пора развозить.

– У Сереги как Илюшка родился, так он всегда домой торопится – с белой завистью сказал Женя.

– Серега с Юлей – молодцы, показательная семья для нас троих – задумчиво сказал Котов – на них ровняться надо.

Он хоть и ходок и юбочник, но в глубине души надеялся и мечтал о своей крепкой и любимой семье.

Сергей вернулся, плюхнулся в кресло и сказал:

– Через пятнадцать минут такси прибудет. Давайте по последней?

– Ты, конечно, классный, Серега – похвалил Женя – мы-то пили, а ты весь вечер проспал.

– Ой, да ладно. Что я там проспал. Всего лишь глаза закрыл и открыл.

– Всего лишь моргнул – махнул головой Женья.

Котов разлил последнюю выпивку по рюмкам и заявил:

– На правах старшего по возрасту и званию крайний тост скажу я.

Все прочувствовали серьезность момента, он продолжил:

– Мужики, вот уже пятнадцать лет мы встречаемся в этот день, в этом баре по этому поводу. Вспомнить всех ребят, которые прошли весь этот ад с нами. Помянуть добрым словом ребят, которые уже никогда не увидят белый свет. Сказать друг другу спасибо, что помогали там, не бросали, поддерживали, защищали Россию, меня, себя. За то, что вы здесь сейчас живы, здоровы и веселы. Спасибо вам за все.

Они выпили, думая каждый о своем и вспоминая общее.

По домам фирменное барное такси развезло всех по очереди. Сначала Женьку, он ближе всех живет, потом Серегу, потом командира Котова. Выходя из машины, он спросил:

– Володь, а ты в вагончик?

– Конечно. Погода хорошая, хоть и дождь обещали. На днях работы начинаю. Рабочие придут. Я в вагончике ночевать буду.

– Ты таксисту объясни, как к тебе на плантацию заехать. А то если дождь его в дороге застанет, то ночевать он будет в грязи на брюхе.

– Э нет, – забеспокоился таксист – не хочу я на брюхе в грязи ночевать.

– Я на трассе сойду, – успокоил его Владимир – а там напрямик через лес.

Таксист не стал скрывать радости, на трассе он не посадит машину на брюхо, значит и ночь проведет в постели.

Миша невидящим взглядом уставился в монитор компьютера и откинулся на спинку кресла, но сразу вернулся в рабочую позу, схватил мышку и перевел курсор на начало диалога и еще раз перечитал переписку, пытаясь найти там волшебную фразу, волшебное слово, а еще лучше спасительную фразу и спасительное слово. Но ни того ни другого не было – волшебство закончилось в детском возрасте вместе со сказками, а спасение еще не наступило. Зато наступила реальность в виде переписки в социальных сетях.

Парень в двадцать первый, а может и сто двадцать первый раз прочитал сообщение. Информация в голове не укладывалась. Она вошла в голову острым лезвием немыслимой действительности, разрежала мозг и отключила способность соображать. Она испугала, она ввела в ступор. Ступор деятельности всего тела, сердца, мышц и мыслей.

Миша не знал, что делать. Он не знал, что говорить. Он не знал с кем говорить.

Зато он знал, что нельзя говорить. Его же конкретно предупредили, что на эту тему ни с кем разговаривать нельзя. Ему приказали молчать.

И как бы ему не хотелось послушаться приказа, он не стал это делать.

Парень закусил губу, задумался. С одной стороны ему велели молчать, с другой стороны, он хотел говорить об этом, кричать.

«Нужно поговорить с Ликой» – решил он.

Хоть он и злой на нее, как собака на привязи, но все-таки это единственный человек, которому он может предъявить претензии в тоне этой же собаки.

Ох, как же он на нее злился, аж кулаки сжал, а тут еще и бабушка, как назло под этот самый кулак попала:

– Не могу дозвониться Лике, – говорила она, проходя в его комнату. – Не спокойно мне. Случилось что-то. В груди давит.

Она села на край кровати и, задумчиво, расправила покрывало, скукоженное под ее весом.

Внук медленно закрыл ноутбук и недовольно спросил:

– Чего ты болтаешь, баб?

– Миша, нельзя так говорить. Ты же видишь, мне плохо. Сердце болит.

– Потому что не на месте? – вредничал Миша, даже не стараясь скрыть свое раздражение.

– Сходи к Лике. Может она дома?

– Может она на работе? – продолжал парень.

– Так я звонила. Охранник говорит, что уже закрыл все, и в офисе никого нет, все по домам разошлись.

– Тогда в дороге.

– Я же уже давно звоню, она должна была уже десять раз домой добраться. Даже сидя на улитке. Был бы дед дома, я б его отправила. Не тревожь мне сердце, не спорь со мной. Сходи. Прошу тебя.

– Да схожу я, схожу. Все равно с парнями идем гулять – соврал внук.

– Да? Ты мне не говорил – удивилась бабушка.

– А должен? – строптиво спросил он.

– Конечно.

– Я же не маленький.

– Не маленький – согласилась бабушка, – но в любом возрасте нужно предупреждать родных людей, куда и с кем идешь.

– А еще, насколько и зачем идешь.

Он понимал, что проявление вредности уже зашкаливает и бабушка вот-вот да обидится, но не мог остановить порыв.

– Вот зачем ей телефон, если она не отвечает на звонки? – не обратив на его недобро насмешливый тон внимание, продолжила бабушка.

Она прерывисто вздохнула, закрыла лицо ладонями, потеряла глаза и пригладила волосы – устала.

Внук взглянул на нее – несчастная, переживает за дочку, нервничает. Тихо нервничает, без паники. Сердце болит. Чувствует неладное.

Ему стало жалко ее. Но жалел он ее не долго, вспомнив запись в соцсетях. Он сжал кулаки и быстро взглянул на ноутбук.

– Ложись спать, ба, я позвоню от Лики.

Рано она почувствовала. Еще ничего не произошло. Вот придет Миша к Лике домой, тогда и произойдет.

В десяти километрах от города таксист остановил машину, где ему указал последний клиент.

– И куда же вы пойдете? – непонимающе спросил водитель – тут же обрыв и лес. Да и темно, хоть глаз коли. Может вас все же до дома подвезти?

– Не надо, – отказался Владимир. – Здесь пешком не далеко. А если на машине, то километров пятнадцать в объезд. Тем более там дорога плохая, дождь скоро пойдет, точно на брюхо машину посадишь.

– Вот чего мне не хочется – честно признался таксист, хоть и подписывался на акцию «развезем, кого в баре развезло».

– А с обрыва тропинка есть – продолжил объяснять Владимир – Старая, ступеньки камнями выложены. Мало кто о ней знает, только местные старожилы. И лес я знаю, как свои пять пальцев. Я бы сказал, это не лес, а лесок.

– Ага, лесок – не согласился таксист – каждый год по новостям рассказывают, что грибки теряются и блуждают, пока на дорогу не выйдут.

– Так кто теряется? Заезжие бабульки и дедульки. Они ведь не умеют ориентироваться на местности.

– Ну да, вообще-то. Как по мне, то лучше на машине с навигатором.

– Колеса не везде проехать могут.

– Колеса и крыша над головой. Вон тучи какие, дождь сильный будет.

– Дождь – это хорошо. Он сейчас очень нужен. Дождя не будет – не будет урожая.

– Так, а как же вы под дождем пойдете?

– А я подготовился. У меня плащ непромокаемый.

– Может все же подвезти – еще раз уточнил таксист, с надеждой, что клиент еще раз откажется.

Клиент не подвел его надежды и отказался. Он рассчитался с водителем и вышел из машины. Таксист, недолго размышляя, развернул машину и уехал. Владимир понаслаждался видами природы, и стихии, разыгравшейся на горизонте – сверкали молнии, темное небо освещалось белыми отблесками, потом звучал приглушенный гром, доносился до Владимира и уносился дальше. Он посчитал секунды от сверкания молнии до грома, высчитал, что ровно через двадцать минут проливной дождь будет здесь. Одно дело любить гулять под дождем, и совсем другое дело гулять под проливным дождем с громом и молниями. Нужно торопиться. Хотя торопись, не торопись, он при любом раскладе попадет под дождь.

Володя подошел к краю дороги, сделал пару шагов в кусты возле обрыва и очутился на тропинке, круто спускавшейся вниз. Тропинка эта была очень старая, некоторые камни, некогда бывшие ступеньками, сползли к подножию обрыва. Причиной того стали оползни, искусственно никто не пытался укрепить ступеньки, только природа. Она старалась. Большая часть лестницы осталась цела только благодаря природе, вернее корням деревьев и кустов. Они, как будто специально держали камни, как будто руками и пальцами вцепились в ступени, чтоб они не сползли, старались, чтобы людям было удобно ходить.

Владимир очень любил эту тропинку. Он узнал ее еще ушастым пацаном. Дед постоянно водил его по ней. И сейчас он знал о ней все. Знал, какая по счету ступенька рассыпалась и сползла вниз (вот она – восьмая), еще шаги вниз, а еще четырнадцатая.

Нужно будет привезти плит, да отремонтировать, все-таки по ней ходят местные жители – на ходу размышлял мужчина.

Владимир очень любил эту тропинку, настолько любил, что если бы сегодня можно было проехать на машине, он бы от этого отказался, чтобы пройти пешком. Здесь он отдыхал душой, здесь он вспоминал деда. Очень любил его.

Он вспоминал, как дед каждые выходные забирал его к себе в деревню. Эти два дня в неделю были самые счастливые. Их они проводили то на рыбалке, то на тихой охоте за грибами, а в воскресенье вечером дед вот в этом же плаще, по этой же дорожке через лес отводил ушастого Володку на дорогу, останавливал автобус и внук уезжал на пять дней в город к родителям. Эти пять дней длились для него вечностью. Он ждал выходные. С понедельника считал дни, а в пятницу и часы до отъезда в деревню к деду. Самым тяжелым трудом считал труд под названием ожидание. И до сих пор так считает.

Дед привил ему любовь к деревенской жизни, любовь к дождю, любовь в земле, к полю и лесу, сделал его патриотом и трудягой сельского хозяйства.

Перед четырнадцатой ступенькой Владимир остановился, потому что знал, что ее нет вообще. Земля рассыпалась и сползла, а между соседними ступеньками образовался большой шаг. Владимир зацепился за ствол дерева, чтобы не оступиться и подумал:

«Точно, пора ремонтировать. Непонятно как местные бабушки ходят? Неудобно же им вот так за деревья цепляться».

Сначала он услышал приглушенный звук остановившейся машины, тихое урчанье двигателя говорило о дорогой, так сказать элитной машине. Владимир посмотрел наверх, для под-

тверждения своих предположений. Что-то, а слух его еще не подводил (не музыкальный, но чуткий). Он знал и не раз убеждался, что смесь чуткого слуха, мужской интуиции и военной практики – это формула самосохранения.

Недалеко от того места, где его высадил таксист, остановилась машина, ее было хорошо видно, белый джип, низ подсвечивается мягким неоном, ручки подсвечивает мерный оранжевый свет. Владимир недовольно помотал головой, чего только не придумают менеджеры автопрома, лишь бы привлечь внимание богатого клиента.

«Или это НЛЮ, или это машина для девочек – подумал Владимир, всматриваясь через ветки деревьев – Или я стал старый ворчун, скептический мужлан и ничего не понимаю в тьюнинге».

Ничего его не заинтересовало в этой машине, кроме светодиодов, но что-то останавливало его и не давало продолжить свой путь по любимой дорожке ностальгии. Хотя именно в дорожке и дело. Может человеку, которого сейчас высадят из машины, так же как и его самого несколько минут назад, понадобится помощь – не каждый же сможет по этой тропинке пройти, да еще и ночью.

Из НЛЮ-машины вышли два человека, достали из багажника что-то белое, большое и увесистое, подошли к краю обрыва, раскатали и скинули в лес. Сели в машину, но не уехали.

Возмущения Владимира не было предела.

– Вандалы, – зло выругался он – ну стойте там, сейчас я вам этот мусор обратно на вашу новогоднюю елку сверху высыплю.

Он стал пробираться вдоль дороги через деревья к тому месту, куда мог приземлиться мешок с мусором. Он так разозлился на этих вандалов живой природы, что в красках представил, как высыпает их же мусор на их белую, со всех сторон светящуюся, машину.

– Вы только не уезжайте, – бубнил себе под нос Володя – подождите. Сейчас я его найду. Найду и верну вам. Могу даже в салон высыпать, чтоб надолго запомнили свои выходки. Найду. Я упертый.

Действительно. Если решил найти, то найдет. Нашел. Нашел и ужаснулся.

– Вот блин – выругался он.

Стоя на тропинке, он увидел, как мужики выкинули белый мешок с мусором, но там мешали ветви деревьев рассмотреть, что это вовсе не мешок белого цвета.

Это человек в белом костюме.

Женщина.

Владимир опять выругался и оглянулся вверх – машина еще стояла. Он присел на корточки и посмотрел на женщину, потрогал пульс на шее. Разве можно выжить после того как скатиться с обрыва с такой высоты. Труп. Пульс щупает только для успокоения души, вроде бы что-то сделал.

– Вот это да. Ну и что мне с тобой делать? На машину я тебя не высыплю, как планировал ранее – с сожалением заявил Владимир женщине. – Тем более ты еще жива.

Женщина в подтверждении его слов застонала.

– Да понял я, понял. Пульс нащупал. Хоть и слабый – прошептал он, хотя прекрасно знал, что она его не слышит, а если и слышит, то не понимает, потому что без сознания, на всякий случай он пояснил – Была бы в сознании – точно бы убила.

А как иначе? Женщину скинули, она упала, потом катилась вниз кувырком. Бедненькая, наверное, кости все переломала.

Владимир услышал, как мужчины вышли из машины, захлопнули дверцы, стали переговариваться. О чем говорят – не слышно, только приглушенные голоса.

Владимир оглянулся, мужчины подошли к краю обрыва и стали всматриваться вниз. Владимир посмотрел на женщину, она в белом костюме, как светящееся пятно на черной земле. Он распахнул свой плащ, размахнулся и подолом прикрыл ее одежды.

Тучи на небе очень быстро сгущались, и с каждой долей секунды становилось темнее, молния сверкала уже очень близко, лес приглушал звук грома. Но гром никогда не пугал Владимира, он даже любил его. Но этот звук, который прозвучал в эту секунду, Владимир никогда и ни с чем не спутает. Этот звук настораживает любого военного, даже бывшего. Мужчина возле машины передернул затвор пистолета.

Услышав это, Владимир долго не размышлял, он быстро откинул плащ с женщины, схватил ее, перекинул через плечо и побежал через деревья на знакомую тропинку.

Молния ударила прямо над ними, и лес наполнился светом и громом.

– Смотри! – закричал один из мужчин, тыкая пистолетов в сторону леса – вон она!

В свете молнии они увидели, как белый костюм стал передвигаться между деревьями, уносимый, чем то бесформенным, огромным и быстрым.

– Что это? – с ноткой ужаса спросил второй.

– Леший. – Неуверенно ответил другой, подумал и заявил – точно леший.

Они так и остались стоять на месте, боясь сдвинуться с места, ни один из них не выявил желание продолжить путь вниз. Оно-то и не удивительно. Что-то большое, непонятное, но живое, шустрое и лесное схватило женщину, которую они только что скинули в обрыв. Оно унесло ее вглубь леса. Причем там ходить без ноши-то нельзя, а это лесное прошло без разбора дороги, сквозь деревья. Да и женщина не пушинка, а оно ее подняло и понесло легко и просто. Точно леший.

– Поехали отсюда, – предложил один из мужчин – место здесь нехорошее.

– А как же она?

– Не знаю. Но я лично не хочу за лешим по лесу гоняться.

– Я тоже.

– Тогда поехали отсюда. Тем более мы выполнили то, о чем договаривались сразу.

Они задом попятились в машину, сели в нее и так заторопились уехать, что тронулись с места с визгом колес.

Владимир по тропинке сбежал вниз и остановился отдышаться. Теперь можно не торопиться.

Он аккуратно положил женщину на траву. Она, хоть и не тяжелая, но бежать с ней по лесу, как верблюд с горбом, неудобно. А оставить ее на прежнем месте – риск – белый костюм, как мишень для снайпера.

Женщина застонала.

– Сейчас. Потерпи – попросил Владимир. – Скоро дома будем. А их не бойся – они сюда не спустятся.

С неба упала одна тяжелая капля дождя, первая, потом вторая, третья и сразу ливневый поток. Капли приятно и быстро тарабанили по листве деревьев, по молодой весенней траве.

– Дождь – это хорошо. – Комментировал Владимир женщине, снимая с себя плащ и закутывая им свою уже промокшую ношу. – Урожай хороший будет и следов наших никто не найдет, даже если и спустится сюда. Дождь это всегда хорошо.

Ливень приятно охладил ему лицо, затекал под одежду и протекал по всему телу, давая свежесть и новые силы.

Владимир успел уже отдышаться, легко подхватил женщину и понес через лес к себе в вагончик, изредка останавливаясь и переводя дыхание.

– Хороший у тебя плащ – восхитилась Варя Николаевна – смотри, какой ливень, а я даже не промокла.

– Это дедовский – напомнил Владимир, пропуская ее в вагончик.

– Я помню-помню, дед твой всегда его носил.

– Я горжусь плащом и никогда его не похороню.

– В каком это смысле? – удивилась Варя Николаевна, снимая мокрую одежду у входа.

– Да это ребята сегодня предложили его похоронить, плащ, я имею в виду – пояснил Владимир. – На чердаке, в сундуке.

– А-а точно. Ты же сегодня со своими однополчанами встречался. Я и забыла совсем. Ну что ж, показывай, где твое приключение?

– Вот – он указал на кровать у дальней стены вагончика. – Приключение, скажете тоже.

Варя Николаевна прошла к кровати и стала заглядывать женщине в лицо, нащупала пульс, потрогала кожу на руках.

– Молоденькая какая совсем. А бледненькая какая. Нужно ее в больницу везти или скорую вызвать.

– Я бы вызвал, но ни одна скорая сюда не доедет. Застрянет.

– Да, – согласилась Варя Николаевна – не доберутся.

– Поэтому я за вами и пошел. Вы же доктор.

Варя Николаевна осмотрела голову, шею, руки пострадавшей.

– Я хоть и доктор, но у меня нет всех нужных медикаментов.

– А что надо?

Варя Николаевна посмотрела на Владимира, он так и стоял возле двери, как бы стараясь не мешать медицинскому осмотру пациента.

– Нужно бы анализы сделать, чтоб понять, от чего она спит.

– А она спит? – удивился Владимир.

– Да. Может наркотическое средство.

– Она наркоманка? Не похожа.

– Нет, следов уколов нет. Но я не знаю, от чего она спит. Нужно ей отварчика дать.

– Какого отварчика?

– В чувства приводящего. Я сделаю.

Варя Николаевна приподняла край одеяла, смутилась и сразу прикрыла девушку.

– Во как. Володя, а ты ее в таком виде нашел?

– В смысле? – сначала не понял Володя, быстро сообразил и ответил – а, нет. Она одетая была. Просто под ливнем промокла, и мне пришлось ее раздеть, чтоб она еще и не простыла. Хотя на фоне ее травм простуда будет незаметна.

Он отошел в зону кухни, сел на стул за шторкой, разделяющей ее от спальни.

– Правильно сделал. Кстати у нее пальцы рук ледяные. Ты растопи печь, пусть теплее будет. И теплой воды мне сделай, умыться надо. Царапины обработать.

Варя Николаевна начала основательный медицинский осмотр девушки, ощупывала ее на предмет переломов костей, осматривала ранки и царапины.

Владимир растопил печь, воздух в вагончике быстро стал теплым и комфортным. Поставил греть воду и решил переодеться в сухую одежду. Девушка на кровати застонала.

– Пришла в себя? – спросил он, надевая сухую футболку.

– Нет. Это я до больного места дотронулась.

– Какому? – поинтересовался Владимир.

– Подожди. Не отвлекай. Поставь пока чайник, мне нужен кипяток.

– Уже поставил.

Он сел на стул и стал ждать. Что делала доктор Варя Николаевна, он не видел, но слышал, как девушка несколько раз застонала. Владимир не отвлекал, полностью доверив девушку врачу. Для него было чудом, (но в чудеса он не верил), значит, это было огромным удивлением, что девушка осталась жива после такого падения.

Несколько лет назад, их группу забросили в Дагестан, задание было не сложное: подобраться к указанной точке на карте, взять террористов, причем главаря банды взять живым. Все

шло как по маслу, а именно, как и планировали. Подобрались к точке на карте, на местности это оказался обыкновенный дом с забором и собакой. Собака, как и ожидалось злая, большая и дурная. С ней церемониться никто не стал, усыпили в считанные секунды. Но террористы уже были начеку и спецгруппу встретили эффектно, с автоматами и гранатами. Главаря банды попытались вывезти на джипе, успели посадить в автомобиль и, протаранив свои собственные ворота, выехали со двора. Группа осталась на перестрелке и задержании бандитов, а Владимир с Котом, вскочив в свой джип, и помчались за главным злодеем сегодняшней операции. Погоня была тяжелая и нудная: кочка, ямка, объезд, ухаб, горка, кочка. Котов за рулем, виляет так, что прицелиться не возможно. Из джипа палят тоже. Пару раз Владимир жалел, что нельзя послушаться приказ, вытащить «Муху» и отправить в джип гранату. Около получаса гонялись они за главарем по пересеченной местности, в конечном итоге Владимиру удалось обстрелять весь джип так, что водитель потерял управление и врезался в дерево. Прикрывая друг друга, Котов и Владимир подбежали к автомобилю. Автоматы в руках. Полная обойма в кармане. Никто не уйдет, никто не скроется. Водитель погиб от удара, а главного злодея в машине не оказалось. Зато след примятой травы от машины к обочине дороги подсказал направление движения главаря. Мужчины кинулись в том направлении, подавая друг другу знаки: ты налево, я направо, ты в обход, я напрямиком. Через три секунды послышался вскрик, потом еще и еще, и приглушенный звук удара тела. Мужчины как раз подкрались к краю обрыва и увидели, как главарь банды скатился и упал. «Это называется, взяли живым, – возмутился Котов. – Теперь еще и доставать придется».

То, что главарь разбился, как глиняный горшок об камни, никто не сомневался.

А то, что девушка осталась жива – это чудо. Хотя в чудеса Владимир не верит.

– Я удивлена – заявила Варя Николаевна, откинув шторку и проходя в зону кухни. – Кипяток готов?

– Готов. – Владимир передал ей чайник – А чем вы удивлены?

Варя Николаевна достала из сумки пакетики похожие на чайные и стала заваривать их. По вагончику поплыл аромат трав, ягод с привкусом лекарства. Владимир поморщился, но вслух комментировать не стал.

– Ты говоришь, ее сбросили с обрыва на трассе?

– Да.

– Я знаю ту местность. Визуально представляю. Это же сколько метров она летела? А у нее кости целы. Ушибы есть, ссадин много, но кости целы. Представляешь? Удивляюсь.

– Представляю. А где ушибы?

– Правый локоть и нога. Но это ничего. Синяки будут, но главное кости целы. Как так? Никак не пойму.

– Обыкновенно – невозможно ответил и пояснил Владимир – все очень просто – она когда падала, была без сознания, как тряпка, без мыслей и без реакции. Не группировалась и не боялась. Нас в армии учили в самом начале падения, вернее прыжка группировать все мышцы, напрягать их, таким образом, спасая кости от переломов. Если не натренированный человек, будучи в сознание, будет, падая напрягаться и цепляться за все в подряд, то весь переломается. А во вторых, те два мужика очень удачно для нее самой ее сбросили, она покатила не кувырком через голову, а плашмя, колбаской. Поэтому у нее только нога и рука ушиблены.

– Теперь понятно.

Варя Николаевна заварила свои чаи, вытянула из кипятка пакетики и стала студить отвар, приговаривая:

– Что у нас получается? Девушка спит. Но дыхание угнетено и пульс слабый. Наверное, наркотик сильный. Но это не страшно. Я ей дам пить вот этот отвар. Еще заварю тебе на ночь, ты ее попой. Он ее и в сознание приведет и боль уймет. Царапины я обработала. Они не глубокие и не опасные, заражения не будет.

– Когда она в себя придет?

– Ночью. Или под утро. Это зависит от нее самой. Я не знаю, какой препарат в ней работает и как он в нее попал. Правильней будет – сделать анализы. А ты в полицию будешь звонить? Все-таки неизвестно кто она такая. Может она еще хуже тех двоих, которые ее в обрыв скинули. Ты ее вещи смотрел? Документы есть?

– Вон ее вещи висят на стуле. Нет там никаких документов. Ничего нет. – раздумывая над сложившейся ситуацией, ответил он.

Варя Николаевна подошла к белому костюму с пятнами от земли и травы, осмотрела его, потом пощупала карманы пиджака. Они действительно пусты.

– Как бы там ни было, ты ее не знаешь. Как придет в себя, и можно будет ехать, вези ее в больницу. Интересная девушка. Кто она?

– Таких интересных девушек вдоль трассы уйма стоит – зло сообщил он, сам себе не веря, он еще размышлял и взвешивал все варианты – я так думаю, что те двое решили сбросить ее в пропасть, чтоб не расплачиваться за услуги.

И сам себя поругал за предположение: «Так не годится. Это не тот вариант».

Он прекрасно знал, что они шли ее добивать. А если она девочка с трассы, то хватило бы только высадить из машины. Девушку скинули, а потом решили застрелить. «Интересная девушка» – повторил он себе мысленно.

Варя Николаевна о его размышлениях и взвешиваниях ничего не знала. Она взяла остывший отвар и прошла к кровати, приподняла голову «интересной девушки» и аккуратно смочила ей губы живительной влагой. Девушка сглотнула, чуть облизала пересохшие губы и стала жадно пить.

– Пить хочет – обрадовала сама себя доктор, потом громче для Володи – а ты ошибаешься, Володя. Она не та, за которую ты ее принимаешь. Не девушка легкого поведения.

Володя выглянул из-за шторы, очень хорошо бы послушать мнение со стороны и он с интересом спросил:

– Почему?

Варя Николаевна с искоркой и любопытства спросила:

– Володь, ты чего? Тебе никак девушка понравилась?

– С чего вы взяли? – засмутился он и спрятался обратно за штору – во все нет.

– Да ладно тебе. Я же тебя не первый день знаю. Ладно, не хочешь – не говори.

Она и сама знала, что Владимир не станет с ней секретничать и рассказывать, кто, когда и почему. Он обычно не разговорчив и скрытен. А тут она такие личные вопросы задает. Он никогда ей не ответит на этот вопрос.

Женщина прошла в кухню, поставила посуду на стол и сказала:

– Выпила. Пить хотела, жадно пила. – Варя Николаевна стала заваривать еще пакетики со смесью трав, ягод и лекарств, объясняя – Значит напоишь еще ночью, часов в двенадцать и утром. Ей нужно помочь выйти из сонного состояния, а в остальном нет ничего страшного. То, что она реагирует на раздражители, свет и звуки, испытывает жажду и пьет – это все хорошие показатели. Утром приду сама, если дождя не будет.

– А если будет, то я за вами приду.

– Да – согласилась Варя Николаевна.

– Я вас провожу.

– Естественно. Я девушка порядочная и не хожу ночами сама.

Владимир помог ей надеть дедовский плащ, с которого еще стекала вода. Сам взял зонт, только для успокоения души, вроде от дождя что-то взял, но то, только зонт в такую погоду не спасет, потому что с неба уже не сильно льет и вся вода уже не сверху, а снизу, на земле в виде грязи и болота. Так и есть. Дождь мелко накрапывал, но небо было черное, ни одной звездочки.

Варя Николаевна с трудом переставляла ноги в резиновых сапогах, чуть не по самую щиколотку проваливаясь в гущу грязи. Идти было тяжело и неудобно, дорогу выбирали заросшую травой, чтоб меньше грязи, но это не спасало, на подошву приклеилось столько земли, что ноги становились неподъемные.

– Кажется, дождь не собирается прекращаться – прокомментировала Варя Николаевна.

– Да, действительно. Завтра в поле не выйдем, хотя планировал. Посадку пора делать. – он помолчал, потом задал вопрос, который его тревожил. – Варя Николаевна, как вы думаете кто эта девушка?

– Мое личное мнение то, что она не девушка легкого поведения – она подумала и продолжила – во-первых моя женская интуиция подсказывает. Во вторых она очень ухоженная. Волосы, лицо, ногти в конце концов. Девушки из рядов легкого поведения за собой так не ухаживают. В третьих – ее одежда. И если я ошибусь, то так и запишем в моих мемуарах (если вдруг решу их писать), что я ничего не понимаю в жизни.

– А что с ее одеждой? – полюбопытствовал Владимир.

– Это брендовый костюм от мирового кутюрье. Не удивлюсь, что из самой последней коллекции. Очень дорогущий. Не каждая девушка может позволить себе такую одежду. А ты говоришь «девушка с трассы», «услугами занимается».

– Да я понял уже, что ошибся.

– Ты бы сообщил куда надо, может ищут ее, переживают.

Они прошли по деревянному мосту через речку и очутились перед кованными воротами. Возле ворот сидел огромный пес, он давно их ждет, с того момента, как Владимир увел Варю Николаевну к пострадавшей девушке. Сидит, ждет, вглядывается, знает, что по этому мосту они вернутся. Увидел, забегал, встречая, радостным голосом гавкнул, морду между кованными прутьями просунул, узнал хозяина, заскулил от счастья.

– Зайдешь? – спросила Варя Николаевна, подходя к воротам.

– Нет, вдруг она в себя пришла, – отказался Владимир, погладил через прутья ворот мокрый нос пса – Майк, привет.

Не заходя во двор, они по очереди очистили сапоги от грязи. Майк за воротами никак не мог дожидаться, когда же они доделают это грязное дело и войдут.

Они прошли во двор, прошли по освещенным дорожкам к дому, Майк бежал рядом, хотел, очень хотел запрыгнуть Владимиру на грудь передними лапами, но знал, что воспитанные собаки так не делают, а он ведь воспитанная собака, даже кинолог говорил, что Майк после занятий культурный парень, ну в смысле кабель.

Поэтому запрыгивать хозяину на грудь передними лапами он не стал, а вот бежать рядом и всем своим собачьим видом показывать, что он рад, очень рад, это ему можно. Хозяин, все это видел, но был не игрив, какой-то он озабоченный.

– Я тебя завтра с собой возьму – пообещал хозяин – а сейчас охраняй Варю Николаевну.

Майк пригорюнился, расстроился, опять хозяин его с собой не возьмет, оставляет охранять Варю Николаевну. А он так надеялся, что пойдет с самым любимым и дорогим человеком в лес, в поле, да куда угодно, хоть до речки (чего до нее ходить – вот она рядом с воротами), главное, чтоб с хозяином.

Майк грустно заглянул в глаза Владимиру и перестал махать хвостом.

– Без обид, Майк. Там грязно. Да и тебе еще отлежаться надо после болезни – оправдывался Владимир перед псом.

На крылечке Варя Николаевна отдала плащ, и Владимир его сразу надел на себя. Комфортней не стало, потому что сам уже промок до костей, но душе спокойней.

– Майк скучает без тебя – сказала Варя Николаевна про пса.

Пес, услышав свое имя, оживился, с нескрываемой надеждой: а может хозяин передумает и возьмет с собой.

– Я его завтра заберу, вижу, он уже лучше себя чувствует после болезни.

Владимир пошел по чистым после дождя и светлым от освещения дорожкам к воротам, Майк бежал рядом, с надеждой в душе, что хозяин заскучает и захочет взять его с собой, а я вот, рядом, я всегда рядом.

Звук. Что это за звук? Такой знакомый. Откуда-то из далекой – далекой памяти. Кажется, из детства.

Лика попыталась открыть глаза, но веки оказались такими тяжелыми, она решила закончить с этой безуспешной затеей.

Она еще не окончательно проснулась и находилась в полудреме.

Хотелось еще немножечко понежиться в постели и поспать. Она не выспалась. Очень рано проснулась. Еще рано, можно спать.

Ей даже сон снился, что она хочет спать и засыпает. Во сне ей все время кто-то мешал спать, то не давали лечь в постель, и ей приходилось спать стоя, то так сильно трясли кровать, что она во сне стукнулась обо что-то твердое, а потом вообще пытались открыть глаза. Что за люди? Никакого уважения и сострадания.

Вот к чему хроническая усталость приводит, что даже во сне снится, что она хочет спать, спит и смотрит сны.

Звук, знакомый звук детства усилился.

Точно! это звук дождя. Звук капель дождя, падавших на крышу дома.

Из глубин подсознания всплыли воспоминания. Когда она была маленькая, жила в деревне. У них был обыкновенный деревенский домик. Осенью шли дожди, Лика любила их, потому что в это время вся семья собиралась дома, в деревне все работы по хозяйству заканчиваются в непогоду. Папа растапливал печку, дрова в ней приятно трещали и обогревали все вокруг, становилось тепло и уютно. На улице мокро, прохладно и серо, а в доме тепло и комфортно. Даже от этого контраста ощущения становились более яркими и запоминающимися. После приготовления ужина, мама жарила семечки. Лика с Ангелиной лезли на чердак и слушали дождь. Грызли семечки, молчали, потом болтали, смеялись, но слушали. Шелуху от семечек кидали на старую газетку, старались не крошить и не мусорить, но это не удавалось, и мама заставляла их прибираться, потому что «на крошки от семечек могут прийти мыши». А потом Ангелина заметала мусор, а Лика держала совок. Так было всегда, потому что Геля старшая и веником управлялась лучше сестры.

Потом сестры спускались с чердака и вместе с родителями смотрели телевизор и щелкали семечки возле печи. Она любит этот домик и воспоминания о нем. Теперь домик стал их дачей. Они благоустроили его, обновили, крышу покрыли новомодной черепицей. Мягкая битумная черепица смотрелась красиво, качественно, и очень герметично, так что теперь на чердаке плохо слышно дождь.

«Да, – согласилась со своими мыслями Лика – это дождь. Давно я не слышала этот звук. Лет десять, не меньше. Почему?».

Трезвые мысли медленно выползали из-под сонного сознания.

«Потому что крышу покрыли мягкой черепицей. Потому что переехали в город, и я уже давно живу в квартире, и в квартире тоже не слышен дождь, не слышны капли дождя!!!».

Лика попыталась резко открыть глаза. У нее это не получилось. Зато резко получилась боль, проникшая через глаза в мозг и воткнувшая в него острое лезвие ножа. Она сомкнула веки, боль стала утихать. Так лучше. Значит не надо делать резких движений. Она медленно стала приоткрывать веки. А когда у нее это получилось, она прошептала пересохшими и потрескавшимися губами.

– Где я?

В приглушенном свете лампы она, увидела чужую комнату. Она присмотрелась, пытаясь понять, где она. Она всматривалась в предметы, мебель, вещи, пытаясь найти хоть что-то знакомое для себя и успокоиться, но не находила.

Какое-то непонятное чувство беспокойства – никакой опасности – но где она? и почему Морфей сморил ее в этом незнакомом месте? Почему бог сна явился к ней именно здесь? Или это сон? Почему бог сна не принес ей спокойного сна?

Сон, из которого она пыталась вырваться, стал уходить, но медленно. А страх стал надвигаться, но быстро.

Она понимала, что паника очень скоро овладеет ею, но здравый смысл после долгого сна еще не нормализовался, и она плохо ориентировалась в пространстве, а мысли скакали как пьяные кони: «Где я? Где я сплю? Почему я сплю? Почему здесь? А где это здесь?». Голова закружилась, и она прикрыла глаза, но опять открыла и медленно покрутила головой, то в одну, то в другую сторону. С одной стороны не было ничего интересного – только стена, как ей показалось деревянная. С другой стороны тоже ничего не было интересного, но больше предметов – по длинной комнате, больше похожей на коридор, были расставлены комод, вешалка и печь, у дальней стены, стоял обеденный стол, стул, табурет, невысокий холодильник. Значит это кухня, ею пользовались, значит, здесь есть человек. Это радовало. Или рано еще радоваться? Скорее всего, вообще не надо радоваться.

Половина коридора была занавешена шторой. В полутьме все просматривается с трудом. Мебели мало, только кровать, на которой она лежит и небольшой комод. Огонь в печке обволакивал желто красным светом полено, мерно съедал его, отдавая тепло и энергию. Лица под одеялом пощупала руки, шевелиться тяжело, но ей тепло и уютно, не жарко и не холодно.

Что же с ней произошло? Как она оказалась в этом узком длинном помещении, с низкими потолками?

От напряжения глаза устали, она на несколько секунд закрыла их. Никаких звуков, кроме дождя она не слышала, поэтому была спокойна, но понимала, что нужно вставать. Нельзя просто лежать в чужой кровати и ничего не понимать. Смотреть и ничего не видеть, слушать и ничего не слышать.

Она осмотрела еще раз комнату и увидела... увидела такое, от чего волосы на ее голове зашевелились, сон вместе с Морфеем сбежал без оглядки, а по спине поползли мурашки размером со слона. Глаза расширились от удивления и страха.

От стены из ниоткуда отделилось огромное черное расплывчатое непонятное пятно. Оно заняло собой половину помещения.

От ужаса Лица боялась закрыть глаза, она боялась даже моргнуть, но они стали печь и она невольно моргнула, потом еще и еще, пытаясь не выпустить из поля зрения пятно, теперь напоминающее огромную субстанцию.

Она часто заморгала, почему то ей показалось, что это помогает. Конечно, помогло. Теперь это что-то превратилось в огромного лешего.

По комнате прошел холодок – свежий холодный ветерок. Он дотронулся до ее лица, осветил ее и привел в чувства. Она готова была заверещать, но Леший опередил ее, спросил:

– Проснулись?

– Я? – испуганно прошептала Лица, подтянула под себя ноги и, прижимаясь к стене, села. Одеяло соскочило с ее плеча и груди. Леший деликатно отвернулся. Лица лихорадочно завернула себя обратно в одеяло. Она, в добавок ко всему, еще и голая. Голая! с лешим наедине. Час от часу не легче. – Как вы сюда попали?

– Пришел.

– Зачем?

– Я здесь живу.

– Вы кто?

– Владимир, – ответил леший – можно просто Володя. А вы кто?

Леший, то есть Володя, снял с себя плащ и принял человеческий вид, но Лику это не успокоило, а еще больше насторожило. Мужчина был огромный, здоровенный, при намеке на опасность, она с ним не совладает. С лешим было спокойней – он мог оказаться видением ее воспаленного воображения после сна.

– Я? – осторожно спросила она.

– Вы.

Лику не торопилась отвечать на вопрос, а сама спросила:

– Что вам здесь надо?

– Вообще то – удивился леший Владимир – мне надо было лечь спать, но вы сначала свалились мне на голову, а теперь заняли мою кровать. И что теперь мне надо здесь делать – я не знаю.

– Где моя одежда?

– На кухне, на стуле.

– А должна быть на мне – резонно заметила она.

– Она сохнет – непонятно пояснил мужчина.

– Где?

– На кухне – повторил леший Владимир и отодвинул шторку, которая прикрывала кухню.

Оказалось, что помещение, в котором находилась Лику, еще более длинное и узкое, как туннель метро. Она увидела на стуле белый костюм и поторопилась уточнить:

– Я могу одеться?

– Конечно.

Леший снял солдатские боты и поставил возле стены. Лику присмотрелась и увидела дверь, она была прикрыта от ее взгляда вешалкой. Вот почему она сразу не увидела, как Владимир зашел в помещение, и ей показалось, что он отлепился от стены.

Владимир прошел на кухню, пощупал ее костюм, взял со стола кружку и направился к Лику.

– Эй-эй, стойте, – не совсем строго, как хотелось, но с нотками паники заговорила она – не подходите ко мне.

Одну руку она выставила вперед, останавливая его, второй держала одеяло на груди.

Владимир спорить не стал с женщиной непонятной – толи строгой, толи истеричной, но точно напуганной – остановился.

– Вам надо это выпить.

– Не буду я ничего пить – отрезала она, облизнула пересохшие губы и поняла, что пить хочется очень сильно, как после прогулки по пустыне Сахаре, но брать из рук незнакомца воду, которая может оказаться отравленным зельем, она не собиралась.

– А надо – настаивал Владимир.

– Отдайте мне мою одежду.

– Она еще не высохла.

– Ничего страшного.

Владимир подошел к комоду (Лику останавливать не стала – она находилась от него на безопасном расстоянии), поставил кружку на него, выдвинул шкафчик и стал доставать вещи.

– Как вас зовут? – безразлично спросил он, даже не посмотрев на нее.

– Какая вам разница?

– Никакой, – честно признался он – просто обращаться к вам как-то надо.

– Не обязательно. Я сейчас оденусь и уйду.

– Не получится.

– Почему?

– Потому что ливень.

– Я не сахарная – не растаю.

– Вполне возможно, но через грязь вы не пройдете, да и ночь на дворе – дорогу не найдете.

Он достал вещи и положил их стопочкой рядом с кружкой и пояснил:

– Здесь футболка, свитер, на случай если вам холодно, штаны, но они вам будут широки, и банный халат, чтоб теплее закутаться. Одевайтесь. Оденетесь, выпейте чай. Именно этот чай привел вас в сознание. Его вам прописал доктор, которого я вызывал. Это травяной чай, а не отравка. Пейте – не бойтесь. Я буду на улице. Единственная просьба – долго тут не наряжаться, а то на улице холодно. Замерзну – зайду внутрь и не посмотрю, что вы не накрашены.

– Чего?

– Шутка. Не одеты.

Владимир развернулся, накинул плащ на голову, по-быстрому обул что-то на ноги и вышел на улицу – в дождь и непогоду.

Лирика не стала долго раздумывать, попыталась соскочить с кровати (ватные ноги не позволили), сползла, закуталась в одеяло, прошла на кухню, пощупала свой костюм. Действительно оказался мокрым, хоть выжимай. Вернулась, в спальню и стала одевать на себя чужую мужскую одежду. Одевшись и закутавшись в халат, она сначала понюхала чай, потом отхлебнула один глоток. Пить хотелось сильно. Чай и в правду оказался травяным, ароматным и вкусным. Она с опаской сделала еще глоток, а потом большими глотками выпила живительный напиток.

Как сказал леший-Владимир? Это не отравка, это чай, который доктор прописал, чтобы привести ее в сознание.

В сознание? Она была без сознания?

Чай действительно сделал свое дело. К ней стали возвращаться смутные воспоминания.

Вот она вышла из здания банка, подошла к своей машине, положила дипломат с деньгами на заднее сидение. Конечно же, деньги. У нее было много денег. Очень большая сумма денег.

– Вот оно что! – осенило ее.

А что было дальше? Она положила деньги на заднее сидение машины и увидела тень, которая больно уколола. И все. Она заснула. А потом проснулась под приятные звуки дождя. Вот здесь. А где здесь? Непонятно. В каком-то узком помещении, больше напоминающем заставленный коридор. А потом появился леший, которого зовут Владимир.

«Хорош Владимир – осенило ее – сначала тенью был, потом лешим».

Она прошла на кухню, взяла со стола нож и положила его в карман халата, решив, что так безопасней и спокойней.

«Это что же получается? Леший меня выкрал. Ради чего? Ради выкупа? Так денег в машине больше, чем могут дать за меня. Тогда ради денег из банка. Тогда я ему зачем? Я была голая. О нет... лучше бы из-за денег... зачем он меня раздел? Ради утех? Будет меня под замком держать? И место подходящее».

Приободрить себя не получилось.

«А доктор? Обо мне знает доктор. Или не было никакого доктора?»

Она подошла к окну на кухне и приоткрыла шторку. На улице темно, ничего не видно, а решеток на окне нет. В случае закрытия ее под замок, можно сбежать. Окно небольшое, но Лирика пролезет. Она примерилась к размерам окна и убедилась, что пролезет.

В дверь постучали.

– Да – голосом начальника разрешила она.

– Вы все тут? Управились? – заходя, спросил леший-Владимир.

Он еще не успел снять мокрые вещи, Лирика сразу спросила:

– Что вам от меня надо?

Он удивленно посмотрел на нее и хмыкнул.

Она не дождалась ответа, заявила:

– Зачем вы меня выкрали?

– Я? Вас? – он изумленно улынулся – я вас не выкрадал. Я вас подобрал.

– Что значит – подобрал?

Владимир, наконец, снял мокрый плащ, повесил его сушиться и прошел на кухню. От его внимательного взгляда не ускользнуло, что девушка посильнее запахла халатом и воровато протянула руку к карману. Он видел, что она напряжена и очень напугана, хотя старается страх свой не выдать.

– Кушать будете?

– Нет, – поторопилась ответить она и опять спросила – что значит – подобрал?

Владимир стал доставать колбасу из холодильника, взял со стола булку хлеба, положил все на обеденный стол, пододвинул табурет и сел.

– Я вас спрашиваю – нетерпеливо требовала она.

– А мне надо поесть. Я только сытым теряю желание всех убивать.

Лица потеряла дар речи и чуть не упала в обморок, но потребовала от себя найти силы и устоять. Он перемены в ее лице заметил и пояснил:

– Да не бойтесь вы. Это я пошутил. Неудачно пошутил. Никого я не собирался убивать и не собираюсь. Просто когда голодный, настроение скверное. Вот поем, сразу попоправлюсь. Поверьте.

Он внимательно на нее смотрел – изменения в лице появились – успокаивается.

Он покрутил палку колбасы в руках и сказал:

– Двое мужчин вытащили вас из белого джипа, светящегося как средство передвижения инопланетянина, и сбросили вас с обрыва. Почти мне на голову. Поэтому я и сказал, что вы на меня свалились.

– Что вы врете?

– Я не вру.

– Сбросили? – не веря ему, уточнила – С обрыва? Что вы мне сказки рассказываете? Я бы убила.

– Я тоже так думал. Но вы по счастливой случайности, либо по своему везению, отделались ушибами правой руки и ноги и несколькими неглубокими царапинами.

– Откуда вы знаете? – она потеряла ушибленный локоть.

– Варя Николаевна сказала.

– Кто это?

– Доктор. Она вас осматривала. Она и чай вам давала – он опять покрутил в руках палку колбасы.

Лица с облегчением вздохнула – хорошо, что доктор женщина, а не этот леший.

Леший, то есть Владимир понял ее размышления и хмыкнул:

– Теперь все понятно?

– Нет, конечно – честно заявила она.

– Поэтому поводу не удивляйтесь – последствия обморока – саркастично сказал он и добавил, беря колбасу, – не могли бы вы вернуть мне мой нож. Я есть хочу. А нож у меня один.

Лица посмотрела на колбасу, хлеб, лежащий перед Владимиром и заявила, делая шаг от него, просунула руку в карман халата, нащупала рукоятку ножа и зажала ее в кулаке:

– Откуда я знаю, может, вы меня зарезать хотите?

Владимир помахал головой и тяжело вздохнул, удивляясь и одновременно поражаясь ее «Уму и сообразительности».

– Девушка, – устало начал он – посудите сами, у меня была уйма времени и возможности, привести это в исполнение. А мое самое сокровенное желание – поужинать. А если вы мне не доверяете и не хотите отдавать нож, то, будьте так добры, нарежьте мне бутербродов.

Он поднялся с табурета, взял чайник и понес его к печи, поставил греть воду. Потом сел на стул около кровати.

Ли́ка посмотрела на Владимира – она думала, что он будет наблюдать за ней, но он даже не смотрел в ее сторону, он задумчиво, чуть устало смотрел на чайник и печь. Ли́ка обошла стол, встала так, чтоб ей было хорошо видно лешего и не стоять к нему спиной. Нарезала хлеб и колбасу, все время посматривая на него и ловя себя на мысли, что тоже очень голодна.

Он ни разу на нее не взглянул.

– Оставить все на столе или у вас тарелка есть?

– Есть, конечно, я же не дикарь и с пола не ем, – хмыкнул он и пояснил – в шкафу.

Чтобы достать тарелку, ей придется выпустить его из виду и повернуться к нему спиной. Она быстро открыла шкафчик, взяла первую попавшуюся тарелку и резко повернулась к столу, держа нож наготове.

К ее удивлению, Владимир сидел так, как и сидел, уставившись на печь и чайник.

«У меня, действительно, помутнение рассудка в паре с навязчивой идеей. Может и вправду, у него и в мыслях нет, мне вредить?» – сама себя попыталась успокоить Ли́ка, но нож все-таки положила в карман халата – так спокойнее.

Владимир вернулся на кухню с чайником, налил две кружки кипятка и положил в каждую по пакетик ча́я, отмечая про себя как ровно, красиво и тонко нарезан хлеб с колбасой. Вот только тарелка глубокая, суповая. Он улыбнулся и сказал:

– У меня и другие тарелки есть.

– Я не разбиралась с вашими тарелками – хмыкнула она недовольно.

– Я так и понял. Садитесь. Если есть не хотите, то хоть ча́й попейте. Я вам простой заварил.

Ли́ка села напротив Владимира. Он пододвинул к ней ча́й, доставал бутерброды, с аппетитом ел и добрел на глазах.

– Варя Николаевна сказала, чтоб я вам отвара утром дал. Но раз уж вы в себя пришли, то я не буду давать. Она придет вас осматривать, может другое назначит.

– А когда придет?

– Утром.

– Я тут до утра буду?

– К сожалению, да. Сейчас ночь и дождь. Ни пройти, не проехать. У меня нет возможности вас в город отвезти.

Он достал очередной бутерброд, ел его и запивал чаем. Ли́ка отхлебнула маленький глоток горячего ча́я и спросила, указывая на тарелку с едой:

– Я возьму?

– Конечно. Аппетит приходит во время еды?

Она взяла бутерброд, понимая, что недооценивала свой аппетит. Доедали они молча, когда тарелка опустела, Владимир тонко намекнул:

– Я бы еще съел.

Намек оказался чуть тоньше черенка лопаты, Ли́ка спохватилась, как самая гостеприимная хозяйка:

– Да, что-то я мало нарезала. Сама не думала, что такая голодная.

Владимир улыбнулся и сказал:

– А я вообще из бара вернулся. Я там с друзьями встречался, коньячок пили, и ели, конечно. А что вы на меня так смотрите?

Ли́ка пожала плечами и соврала:

– Ничего, вам показалось.

А что она должна была сказать? Осудить, что Владимир в будний день с друзьями коньячок в баре пьет. Да кто она такая, чтоб лезть в его личные отношения с коньком, баром и друзьями.

Владимир, попытавшись ей поверить (не получилось), но решил на нее не обращать внимание, продолжил:

– Но я все равно голодный. Еще в такси мечтал – дома поесть. А тут вы мне на голову, как дождь. В принципе так оно и было. Сначала вы, потом дождь на голову.

Ли́ка достала нож из кармана и протянула ручкой вперед Владимиру.

– Это я на всякий случай вооружилась.

– Да и понятно – согласился он, беря нож. – Лучше перестраховаться, чем недоограховаться.

Он нарезал хлеб толстыми кусками, Ли́ка удивлялась их размеру, неужели они могут поместиться в рот? Потом нарезал колбасы, ее размеры не уступали хлебу, чем ввели Ли́ку в легкое недоумение и угрызение совести. Ей стало стыдно за то, как она сама нарезала бутерброды – хозяин вагончика голоден, есть хочет, а она интеллигентная женщина миллиметрует при нарезке бутербродов, так что через них газеты читать можно. Неудивительно, что он не наелся. И неудивительно, что теперь ее замучает совесть.

– Вот возьмите – он протянул ей нож.

Она, задумавшись, взяла его, потом смущенно взглянула на Владимира и положила нож на середину стола.

– Это означает, что вы меня уже не боитесь?

– Я и не боялась – соврала она.

Он хмыкнул, улыбнулся и не поверил. Он-то видел, что она явно трусила.

Он взял хлеб положил на него четыре куса колбасы и протянул Ли́ке. Она взяла, изумляясь его размерам, аккуратно откусила и сделала вывод, что не так страшен зверь, как его... а нет не это... глаза боятся, а рот все съест.

– Вы правильно делали, что опасались. Только меня бояться не надо. Вам тех двоих бояться надо. Кстати, вы знаете кто эти двое на белом светящемся джипе?

– Откуда? – изумилась Ли́ка, – тех двоих я не знаю, я их даже в лицо не видела. А вот белый светящийся джип, видимо моя машина.

– Твоя? – удивился Владимир, забыв, что они разговаривают на «Вы».

Это простое удивление и задумчивый вид хозяина вагончика подтолкнули ее на доверие к нему. Сама не смогла бы ответить, но на интуитивном уровне поняла, что ему можно доверять, нет повода бояться его и она ответила:

– Ли́ка.

– Владимир – задумчиво представился он и автоматически добавил – Володя.

– Я знаю – улыбнувшись, ответила она.

Он тоже улыбнулся своей секундной рассеянности.

– Ах, да, точно, я же говорил. А Ли́ка – это Анжелика?

– Да.

– Красивое имя.

Ли́ка решила на комплименты не отвечать, тем более не понятно было комплимент это или культурная видимость, и она спросила:

– А вы хорошо видели тех двоих?

– Нет, – задумавшись, ответил он – не четко. Далеко было и деревья мешали. Я увидел, остановилась машина и эти двое скинули в обрыв что-то белое. Я подошел посмотреть.

Он не стал говорить девушке с таким красивым именем, что сначала он подумал, что это белое – мешок с мусором. Не стал он вдаваться в подробности и говорить, что хотел этот мусор высыпать им на крышу красивой белой, со всех сторон светящейся машины.

– Они не уехали сразу. Они сели в машину, но не уехали. Интересно. – Он задумался, но сразу продолжил рассказывать – когда я к вам подошел, они вышли из машины. Был щелчок. Характерный... Передернули затвор пистолета. Ясно?

– Не совсем – честно призналась Лика.

– Поясню. Они собирались вас – он смотрел на нее и видел, как меняется ее лицо на панику, договаривать он побоялся – это...

Она нервно сглотнула, переступая через страх в голосе, сказала, подобрав слово:

– Убить.

– Да – согласился он с жестким словом.

– Вы видели пистолет?

– Нет.

– Странно. Пистолет не видели, мужчин не видели. Вы мне не врете?

– Не вру. Я его слышал. Перед грозой была характерная тишина.

– Характерная тишина, характерный щелчок...

– Девушка, – требовательно заявил он – я может и не умею слова подбирать, синонимы, антонимы, но я не вру.

– Я не требую синонимы, антонимы. Извините. Просто все так сложно. Как и не со мной.

– Так я продолжу? – иронично спросил разрешение Владимир.

– Да.

– Так вот. Перед грозой было тихо. Так всегда бывает. Ни ветерка. Птицы притихли. И любой звук разносится далеко. А звук затвора пистолета я не перепутаю ни с чем. В этом-то я разбираюсь.

– Вы разбираетесь в оружии? Или в звуках? – она смотрела на него – сканировала и не доверяла.

– Я воевал.

– Где?

– Везде и в горячей точке.

– В какой?

– Это вопрос? – весело спросил он.

– Нет. – Она подумала и спросила – вы можете все в подробностях рассказать?

– В красках? – уточнил он.

– Не шутите, пожалуйста. Мне не до шуток. Я просто ничего не понимаю. Если я утром пойду в полицию, я должна буду что-то говорить, а я не смогу. Сказать смогу, конечно, но не вразумительно.

– Вы обязательно должны сходить в полицию. И не каких – если. Я, кстати, с вами пойду.

– Зачем?

– Я, вроде, как свидетель, помогу полиции – спокойно пояснил он, как мама объясняет двухлетнему малышу, что у слоника есть отличительная черта: длинный носик.

– Точно.

– Точно – повторил он и спросил – чай будете, Лика?

Лика задумавшись, помотала головой, потом спохватилась и ответила:

– Да, не откажусь.

Владимир стал заваривать чай. Лика задумавшись тяжело вздыхала. В голове крутились мысли и версии произошедшего. В данную секунду ее уже не пугало, что кто-то выкрал ее, скинул с обрыва, ограбил и угнал автомобиль, а объяснений этому ноль. Сейчас ее напрягало и пугало то, что она не помнит полдня своей жизни. И некому ей рассказать эти полдня.

Владимир заварил чай, подал Лике кружку, сел пить и предложил:

– А давайте перейдем на «ты».

– С удовольствием – согласилась она.

– Лика, я всё понимаю, ты уже выспалась, но я очень устал сегодня и хочу спать. Давай я себе постелю, лягу и...

– Владимир, – требовательно перебила его она, не заметив удивленный взгляд – у меня очень много вопросов, на которые я не нахожу ответы. Я надеюсь, что что-то прояснится после вашего, то есть твоего рассказа. Извини, но я не могу отпустить тебя спать.

Владимир потер глаза, лоб, щеки и зевнул:

– Я расскажу, только лягу – безапелляционно заявил он.

Он одним глотком допил чай и пошел в спальню, собрал свою постель вместе с верхним матрасом и расстелил перед печкой. Лике постелил чистую простынь, потом переложил свою подушку на кровать, рассудив, что самому можно на валике поспать.

– Извини, но все удобства у меня на улице. Если хочешь, я тебе с фонариком провожу, покажу.

– Не хочу. И спать не хочу.

– Неудивительно. – Он бесцеремонно закрыл перед ней шторку. Когда Владимир переоделся и открыл шторку, то увидел Лику в состоянии задумчивого анабиоза, грызущую ногти.

– Ты ногти грызёшь? – удивился он.

Девушка испуганно отдернула руку ото рта и смущенно ответила:

– Да. То есть, нет. То есть, когда нервничаю.

– Понятно – протянул он, поглядывая на её руки – А ты давно не нервничала.

Лика тоже посмотрела на ухоженный маникюр.

– Это точно. Давно меня никто не нервировал – и стала оправдываться – ноготь сломался где-то, вот он и цепляется, а пилочки же нет.

– Наждачка подойдёт? – пошутил Владимир.

Лика улыбнулась. Наконец-то он увидел её с улыбкой.

– Слушай, Лика, а у тебя врагов много? – уточнил он, усаживаясь на свое импровизированное ложе.

– Нет у меня врагов.

Он заметил, что она при ответе замешкалась, но расспрашивать не стал, только ответил:

– Есть. Двоих я вечером видел.

– Странно это конечно, но мне всё же кажется что это не мои личные враги.

– Не понял.

– Я думаю, что меня просто решили ограбить. Машина у меня дорогая. Деньги были. Да и по мелочам.

– Мелочи это у тебя что? – поинтересовался мужчина.

– Часы наручные были, – стала перечислять девушка – телефон, золото – браслет, цепочка с кулоном и серьги.

– Мелочи? – удивился Владимир и лег на свое ложе поверх одеяла, закинул руку под голову.

Лике стало стыдно. Мелочи!!! Человек тут в таком жилище живёт!? В спальне-кухне... удобства на улице... один нож... одна тарелка... одна подушка, которую он ей оставил, а сам валик под голову соорудил. А она мелочи перечисляет.

– Я имела в виду... ну что они из-за машины... скорее всего – пристыженно оправдывалась она – но не из-за серёжек с кулоном, это они уже потом прихватили. Но там ещё деньги были. Большая сумма.

«Может он не обиделся на меня за эти мелочи» – подумала Лика и разозлилась на себя.

– А большая сумма у тебя с какой цифры начинается?

«Обиделся» – подумала Лика и ответила:

– Я из банка вышла, и на меня напали. Я деньги для предприятия получала. Премию.

– Ты бухгалтер?

– Нет. Получала за бухгалтера. Она в больницу попала, а я её подменила. И большая сумма была – очень быстро ответил Лика. Она уже боялась обидеть Владимира лучше не говорить и не называть сумму, для него любая сумма будет большая, да и телефон, часы и золото для него не мелочь.

– Коммерческая тайна? – догадался Владимир, не дождавшись ответа.

– Ну, да – неуверенно ответила Лика, размышляя можно ли озвучивать сумму, полученную вчера днём в банке.

– Главное, чтоб тебе не пришлось со своего кармана возвращать в бухгалтерию.

– Не придется – уверенно ответила Лика и перевела тему – Владимир, ты слышал: может, они о чем-то говорили, когда меня... сбрасывали?

– Нет, не слышал. Они вообще не говорили. Всё молча. Молча вышли из машины, молча достали тебя с багажника, молча подошли к краю трассы и молча выкинули тебя.

– Как мусор – тихо сказала Лика и добавила громче – Может, ты не слышал?

– Я бы услышал. Я же тебе говорю – тишина перед ливнем была. Я бы точно услышал.

Они молчали.

– Всё понятно.

– Что всё?

– Ну, всё. Меня выследили, чтобы ограбить.

– Я бы не делал таких выводов – зевая, сказал Владимир, он уже перевернулся на бок и закрыл глаза. Всё, он готов ко встрече с Морфеем.

– Почему? – не давала ему заснуть Лика.

– Потому что они не уехали сразу и пошли тебя убивать. – Он зевнул и добавил – после того как скинули.

– И что? – не поняла она, ей совсем не хотелось думать и, тем более, верить в то, что её умышленно решили убить. Кому она могла мешать? Тут ей пришла самая логичная мысль. Логичная, правдивая и устрашающая. Мешать она может только Цареву Константину Константиновичу. И если это так, то жди огромной, страшной, непредсказуемой и непоправимой беды.

– Я думаю, кому-то ты перешла дорогу или мешала сильно. Подумай, может, твой род деятельности или вообще твоя жизнь кому-то мешает. Подумай, кому может быть выгодно твоя смерть. А лучше ложись спать. Утро вечера – сама знаешь – мудренее.

Владимир опять зевнул. Лика с завистью посмотрела на него – он сейчас спокойно заснет, а она будет думать и размышлять: кому выгодно? кто хотел бы от неё избавиться? кому она могла дорогу перейти?

На все эти вопросы возникал один ответ – Цареву. Цареву Константину Константиновичу она перешла дорогу (не умышлено, конечно, и даже не собиралась переходить), ему выгодно избавиться от нее и прибрать к рукам ее бизнес. Но она ведь не подписала нотариального договора для слияния активов с монополией Царева! И он не сможет прикарманить ее фирму. А если бы Царев приказал ее убить, ее бы убили сразу, и не грабили. Или хотели запугать? Так им это удалось. А может, хотели все подставить под ограбление? А может это всего лишь ограбление? Могли грабители возле банка вычислять жертву? Наудачу? Могли. Еще могли работать по наводке. Что сегодня у нее будут наличные знали только четыре человека: кроме нее и Веры Ивановны, Соня и Николай Васильевич. Но подозревать их то же самое, что подозревать себя.

Владимир тяжело и глубоко дышал. Заснул.

«Везёт ему – завидовала Лика – у него нет проблем. Единственная его проблема – это я».

Мало того что свалилась ему, как снег на голову, мало того, что пришлось ей уступать свое ложе и спать на полу, так ещё и при свете.

Лика выключила везде свет, бликов огня от печки хватило, чтобы видеть очертания. Тихонько ступая, добралась к кровати и легла, не снимая с себя одежду. Она решила подумать и поразмышлять в темноте, но ей это не удалось.

Не удалось по одной простой причине – она заснула.

– Я за что вам заплатил? – орала трубка телефона – Исполнители. Какие вы исполнители? Я вам сказал довести дело до конца и меня не волнует всё остальное. Она должна умереть.

– Я... мы думаем... что она умерла – ответил исполнитель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.